

Сибирскіе

Годъ IV

№№ 23-24

Вопросы

8 сентября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ будутъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Министръ торговли и сѣверное порто-франко *Л.*
- II. Послѣднія мѣры для упорядоченія переселенческаго движенія *К. Куртеева 2-го.*
- III. Возможно ли земство въ Приамурьѣ? *К.*
- IV. Формы киргизскаго землевладенія *Д. Чермака.*
- V. Земство въ Якутской области *Н. Виташевскаго.*
- VI. Культурныя начинанія среди бурятъ Иркутской губерніи *М. Б.*
- VII. Сибирскія письма:
Балаганскій уѣздъ (Отчужденіе бурятскихъ земель).
Николаевскъ на Амурѣ („Благіе порывы“).
- VIII. Сибирскія и дальне-восточныя коллекціи музея императора Александра III.
- IX. Томскій переселенческій районъ въ 1907 г.
- X. Хроника.
- XI. Библіографія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Фейтмана, Казанская, 45.

1908.

изученіе крестьянскаго вопроса въ Сибири, понимая его въ широкомъ смыслѣ слова, а на первую очередь изученія выдвинула бы формы крестьянскаго землевладѣнія и формы крестьянскаго хозяйства. Это внесло бы извѣстную законченность и стройность не только въ самыя работы по изученію Сибири, но и въ ихъ постановку. Но останавливаться на этомъ вопросѣ въ данный моментъ было бы преждевременно, такъ какъ пока имѣлось въ виду выяснить лишь принципиальную сторону дѣла.

Разработка уже собраннаго научнаго матеріала не можетъ, конечно, ограничиться данными статистическихъ экспедицій: огромный матеріалъ скопленъ мѣстной періодической печатью, какъ и различными мѣстными же научными обществами, но и онъ остался не разработаннымъ, а тѣмъ болѣе практически неиспользованнымъ. И онъ ждетъ своихъ работниковъ.

И медлить съ этимъ не слѣдуетъ: событія слѣдуютъ одно за другимъ съ неизвѣстной ранѣе быстротой, а практическіе вопросы, выдвигаемые ими на первый планъ, достигли вполнѣ небывалой остроты и значенія. Кто не хочетъ быть раздавленъ жизнью, тотъ долженъ постараться выработать въ себѣ наибольшую устойчивость и силу сопротивленія, а для этого прежде всего нужно знаніе—знаніе себя и окружающей среды. Если это вѣрно вообще, то вѣрно и въ примѣненіи къ Сибири и ея данному тяжелому положенію. Общество изученія Сибири должно начать именно съ изученія того, что уже было сдѣлано ранѣе, и только послѣ этого оно можетъ сдѣлать слѣдующій шагъ въ самопознаніи и самоопредѣленіи.

С. Швецовъ.

Формы киргизскаго землепользованія.

Аграрный вопросъ, волнующій населеніе Европейской Россіи и Кавказа, мало-по-малу проникаетъ и въ наши восточныя окраины и кое-гдѣ успѣлъ уже принять довольно острую форму, какъ, напр., въ киргизскихъ степяхъ, куда правительство, стремясь разрѣдить населеніе русскихъ губерній, вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъярядъ старается сбыть возможно больше крестьянъ, ищущихъ земли. Подъ поселки

выбираются самыя лучшія земли, самый выдѣлъ участковъ производится изъ рукъ вонъ плохо, создается благодарная почва для столкновѣній, и въ результатъ—въ обширныхъ киргизскихъ степяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ возникаетъ аграрный вопросъ. Весьма понятно, что киргизы, встревоженные наплывомъ переселенцевъ, начинаютъ принимать мѣры противъ этого и, какъ народъ мирный, прежде всего обращаются съ прошеніями по начальству, сначала ближайшему, а потомъ болѣе высокому, посылаютъ депутаціи, подкрѣпленныя, по слухамъ, весьма солидными подношеніями. Когда начала работать Государственная Дума, киргизы посылали въ нее прошенія, наказы, а во 2-ой Думѣ депутатъ отъ Уральской области, киргизъ Каратаевъ, въ своихъ рѣчахъ въ засѣданіи Думы и, въ болѣе рѣзкой формѣ, въ засѣданіи аграрной комиссіи, говорилъ о бѣдственномъ положеніи киргизъ и просилъ народныхъ представителей помочь киргизамъ въ трудное для нихъ время.

Но возникновеніе аграрнаго вопроса въ киргизскихъ степяхъ обязано не только дѣйствіямъ русской бюрократіи. Ростъ населенія, усложненіе жизни, проникновеніе въ нее началъ, чуждыхъ архаическимъ устоямъ родового быта,—все это не оставалось безъ вліянія и на поземельныя отношенія, и киргизскіе народные суды, суды *біевъ*, завалены земельными дѣлами. Словомъ, аграрный вопросъ въ степи не выдуманъ, онъ существуетъ и требуетъ вниманія. А такъ какъ этотъ вопросъ затрагиваетъ интересы пятимилліоннаго народа, разсѣяннаго на громадномъ пространствѣ въ двѣсти слишкомъ милліоновъ десятинъ, то мнѣ кажется не безынтереснымъ хотя бы отчасти освѣтить строй киргизской жизни, хозяйства и поземельныхъ отношеній и намѣтить тотъ путь, которымъ должно было бы тутъ итти рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Думается мнѣ, что многое изъ того, что говорится здѣсь о киргизахъ, можетъ относиться и къ инымъ инородцамъ, ведущимъ пастушеско-кочевой образъ жизни, какъ напр., къ туркменамъ Закаспійскаго края и юго-восточныхъ пространствъ Европейской Россіи, или калмыкамъ Алтая и др. Сопоставленіе формъ хозяйства и пользованія землею тѣхъ и другихъ поможетъ разобратся въ сложномъ вопросѣ аграрныхъ отношеній, освѣтитъ процессъ развитія ихъ, дастъ

возможность сдѣлать нѣкоторыя предсказанія относительно вѣроятныхъ формъ ихъ въ ближайшемъ будущемъ.

I.

Киргизамъ посвящена довольно обширная литература, касающаяся ихъ исторіи, хозяйства, нравовъ и обычаевъ и т. д., но собственно поземельныя отношенія киргизъ мало привлекали вниманія изслѣдователей, и только за послѣднія 10 лѣтъ экспедиціей м-ва земледѣлія былъ собранъ и отчасти разработанъ довольно обширный матеріаль о поземельныхъ отношеніяхъ киргизъ. Эта экспедиція, организованная статистикомъ Ф. А. Щербиною, изслѣдовала киргизъ 10 уѣздовъ степныхъ и двухъ уѣздовъ Тургайской областей, всего въ числѣ почти 200 тысячъ хозяйствъ, насчитывавшихъ свыше милліона душъ обоого пола, т. е. около четвертой части всего киргизскаго населенія Россіи. Нужно думать, что тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы на основаніи этой работы, безъ особаго риска можно распространить и на прочихъ киргизъ-кочевниковъ.

Говоря о литературномъ матеріалѣ, относящемся къ киргизамъ, нельзя обойти молчаніемъ „Степное Положеніе“, представляющее сводъ статей объ управленіи областями Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Тургайской и Уральской. Положеніе это составлено на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мѣстной администраціей, и касается общественнаго управленія, суда, поземельнаго устройства и податнаго обложенія.

Поземельное устройство киргизскаго населенія опредѣляется статьями 119—136, которыя гласятъ, что „земли, занимаемыя кочевьями, а въ томъ числѣ и лѣса, признаются государственною собственностью“ (ст. 119), и „земли эти остаются въ безсрочномъ общественномъ пользованіи кочевниковъ на основаніи обычаевъ и правилъ сего положенія“ (ст. 120). Въ слѣдующихъ статьяхъ говорится, что „земельныя стойбища и обрабатываемыя земли предоставляются въ безсрочное пользованіе каждой волости и каждаго аульнаго общества отдѣльно, по дѣйствительному пользованію и согласно обычаямъ, а въ случаѣ споровъ—по количеству имѣющагося скота и размѣрамъ хозяйства“ (ст. 122); что касается

лѣтнихъ пастбищъ, то они „остаются въ пользованіи кочевниковъ по обычаямъ“ (ст. 127).

Въ ст. 125 указано, что „земли, обрабатываемыя, а равно занятія постройками и насажденіями, переходятъ по наслѣдству, доколѣ земля воздѣлывается или существуютъ строенія и насажденія; постройки составляютъ собственность владѣльцевъ, но лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу, могутъ быть отчуждены только на сносъ“.

Наконецъ, въ ст. 128 сказано, что „по взаимному соглашенію общества какъ на зимовкахъ, такъ и на лѣтовкахъ отводятся особые участки для хлѣбопашества и сѣнокошенія. Распредѣленіе участковъ между отдѣльными лицами представляется добровольному ихъ соглашенію по обычаямъ“.

Достаточно даже самаго бѣглаго знакомства съ поземельными отношеніями киргизъ, чтобы убѣдиться, что „Положеніе“ основано не на изученіи дѣйствительности, а просто-напросто является плодомъ бюрократическаго творчества. Изъ всѣхъ 18 статей, относящихся къ поземельному устройству киргизъ, реальное значеніе имѣютъ только двѣ первыя, въ которыхъ сказано, что земля считается государственной собственностью и отдана киргизамъ въ безсрочное пользованіе. Прочія статьи совершенно не отвѣчаютъ обычному праву киргизъ, а такія, какъ 125-ая, по которой закрѣпляются за киргизами земли распаханныя, занятія постройками, насажденіями,—вносятъ даже нѣкоторое разложеніе въ поземельныя отношенія киргизъ, ибо возможность закрѣпить землю за собою побуждаетъ иногда оборотистыхъ киргизъ на основаніи этой статьи оттягивать лакомые кусочки въ свое исключительное пользованіе. Пожалуй, рѣзче всего выступила негодность „Положенія“, когда, подъ наплывомъ переселенцевъ въ Степной край, пришлось рѣшать острые столкновенія на почвѣ поземельныхъ отношеній, какъ среди переселенцевъ и киргизъ, такъ и среди этихъ послѣднихъ между собою. Оказалось необходимымъ собрать новыя данныя о землепользованіи киргизъ и обработать ихъ, что и было поручено сказанной экспедиціи.

Трудами этой экспедиціи *), а отчасти нѣкоторыми част-

*) До сихъ поръ изданы сборники по уѣздамъ: Актюбинскому и Кустанайскому Тургайской области, Кокчетавскому, Атбасарскому и Омскому

ными работами, я и пользуюсь въ своей статьѣ, посвященной вопросу о формахъ киргизскаго землевладѣнія и землепользованія.

II.

Я начну съ разсмотрѣнія киргизскаго хозяйства въ различныхъ районахъ изслѣдованнаго края. Матеріалы экспедиціи относятся къ населенію, разбросанному на громадномъ пространствѣ, граничащемъ на востокъ съ Китаемъ, на западѣ съ Оренбургской, на сѣверѣ съ Тобольской губ. и на югѣ съ Сырь-Дарьинской областью. Эта громадная территория, заключающая въ себѣ свыше 150 милліоновъ десятинъ, отличается крайнимъ разнообразіемъ естественныхъ и экономическихъ условій, влияющихъ на строй хозяйства киргизъ и вообще на весь складъ ихъ быта, въ томъ числѣ и на поземельныя отношенія. Насколько велико разнообразіе естественныхъ условій, можно судить потому, что на этомъ пространствѣ встрѣчаются всѣ переходы отъ низменныхъ равнинъ, то поросшихъ богатой растительностью, то почти голыхъ съ бѣдной флорой пустынь, до снѣжныхъ хребтовъ Тарбагатай и Саура съ альпійскими пастбищами. Не менѣе велика разница и въ экономическихъ условіяхъ. Съ сѣвера эта территория прорѣзывается сибирскою магистралію и примыкаетъ къ Тобольской губ. съ довольно плотнымъ, осѣдлымъ крестьянскимъ населеніемъ; на западѣ она граничитъ съ Оренбургской губ., заселенной также русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. А на югѣ имѣются такіе киргизы, которые отдѣлены отъ населенныхъ мѣстностей, съ одной стороны, голодной степью Бедъ-пакъ-дала, а съ другой—широкой полосой тяжелыхъ песковъ. Они живутъ крайне обособленной жизнью, сохраняя многіе обычаи старины, и ведутъ свое земледѣльческое хозяйство при помощи первобытныхъ орудій, не имѣя представленія о плугѣ или сохѣ, не имѣя кривого серпа, не зная вовсе косы. Отмѣчу еще, что и во времени заселенія киргизами этого пространства замѣчается также большое разнообразіе.

Акмолинской области, Павлодарскому, Каркаралинскому и Устькаменогорскому Семипалатинской области. Кромѣ того, по прочимъ 4-мъ уѣздамъ напечатанъ сырой матеріалъ по формамъ землепользованія.

Иные аулы *) образованы и живут на мѣстѣ своего теперешняго нахождения сотню и больше лѣтъ, другіе же только что образовались. Это обстоятельство, кстати сказать, до нѣкоторой степени **) восполняетъ недостатокъ нашихъ свѣдѣній объ эволюціи во времени киргизскаго быта и хозяйства, въ частности и поземельныхъ отношеній.

Постараюсь теперь изложить вкратцѣ современное состояніе киргизскаго хозяйства и выяснить, почему въ каждомъ данномъ районѣ хозяйство кочевника-скотовода вылилось въ извѣстную форму.

Прежде всего что представляетъ собою хозяйство кочевника-скотовода? Истинный кочевникъ, слѣдующій въ теченіе круглаго года за своимъ скотомъ, питающимся подножнымъ кормомъ, лишень возможности заниматься земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, а равнымъ образомъ и промысловой дѣятельностью, ибо эти занятія требуютъ большей или меньшей осѣдлости. Ему трудно также имѣть постоянное жилье, ибо если даже онъ изъ года въ годъ въ опредѣленное время бываетъ на одномъ и томъ же урочищѣ, то все-же ему приходится весьма часто мѣнять свои стоянки въ предѣлахъ этого урочища по мѣрѣ истощенія корма.

Единственное занятіе кочевника—скотоводство, и только скотъ даетъ ему средства къ жизни: молоко, мясо, сало для пищи, шерсть, шкуры, кожу для одежды и жилища, ибо этимъ послѣднимъ служить кочевнику юрта, состоящая изъ войлока, покрывающаго деревянный остоу. Составъ стада вѣчнаго кочевника приноровленъ къ такому образу жизни: овцы и лошади умѣютъ, разгребая снѣгъ копытомъ, доставать подножный кормъ, а верблюды довольствуются такимъ грубымъ кормомъ, изъ котораго другое животное не сможетъ ничего извлечь. Овцы даютъ шерсть, мясо, шкуры, отчасти

*) Аулы, по опредѣленію статистиковъ экспедиціи, это—мельчайшая единица общежитія; необходимо такой хозяйственный аулъ отличать отъ административнаго, состоящаго изъ многихъ ауловъ; средняя киргизская волость состоитъ изъ 1.500—2.000 хозяйствъ, въ ней десятокъ административныхъ ауловъ; въ хозяйственномъ аулѣ 5—6 хозяйствъ.

**) Я говорю—до нѣкоторой степени, ибо, понятно, образованіе новыхъ ауловъ и занятіе свободныхъ земель диктуется нынѣ иными соображеніями, происходитъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ далекую старину. Тѣмъ не менѣе сопоставленіе поземельныхъ отношеній въ этихъ случаяхъ даетъ весьма цѣнные указанія на ходъ этого процесса.

молоко; лошади служатъ для ѣзды, даютъ молоко и мясо; верблюды служатъ, главнымъ образомъ, для перевозки несложнаго имущества кочевника. Но въ настоящее время такихъ кочевниковъ можно встрѣтить лишь въ южныхъ районахъ Атбасарскаго *) и Акмолинскаго уѣздовъ да въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской и Уральской областей, откуда киргизы вкочевываютъ на лѣто въ сѣверные уѣзды Тургайской области. Въ громадной же массѣ хозяйство и образъ жизни современнаго киргиза болѣе или менѣе значительно уклонились отъ только что очерченнаго.

Прямую противоположность кочевникамъ Атбасарскаго уѣзда представляютъ киргизы Омскаго и Актюбинскаго уѣздовъ и павлодарскіе киргизы, живущіе по Иртышу **).

У нихъ, по сравненію съ стадомъ вѣчныхъ кочевниковъ, значительно меньше овецъ и верблюдовъ, что и понятно, ибо они мало и даже вовсе не кочуютъ; они лишь переходятъ въ юрты на лѣтнее время, выставя ихъ иногда верстахъ въ 5—10 отъ зимовокъ, а то и ближе. Дальняя кочевка въ этихъ районахъ не превышаетъ 20—30 верстъ. Значить, юрта ихъ изнашивается медленно; значить, имъ не требуется такой массы шерсти для войлока, какъ тѣмъ киргизамъ, и, значить, можно сократить количество овецъ. Имъ не нужны и верблюды, ибо они кочуютъ на телѣгахъ, въ которыя впрягаютъ быковъ или лошадей. Съ другой стороны,

*) Такъ, въ стадѣ южанъ Атбасарскаго уѣзда лошади составляютъ около 13⁰/₁₀₀, рогатый скотъ 1.7⁰/₁₀₀, верблюды 9⁰/₁₀₀ и овцы 76⁰/₁₀₀; въ стадѣ Уральскихъ кочевниковъ (Гурьевскаго уѣзда) 6⁰/₁₀₀ лошадей, 1.2⁰/₁₀₀ рогатаго скота, 13.5⁰/₁₀₀ верблюдовъ и 79⁰/₁₀₀ овецъ и козъ; у сыръдарьинцевъ 7⁰/₁₀₀ лошадей, 1.3⁰/₁₀₀ рогатаго скота, 9⁰/₁₀₀ верблюдовъ и 83⁰/₁₀₀ овецъ. У нихъ нѣтъ запашки и они не дѣлаютъ запасовъ сѣна. У атбасарцевъ 0.3⁰/₁₀₀ хозяйствъ съ запашкой, но это конечно у джатаковъ, т. е. не кочующихъ, и 10⁰/₁₀₀ хозяйствъ съ сѣнокосеніемъ. О постоянныхъ постройкахъ имѣются свѣдѣнія только для атбасарцевъ, гдѣ изъ 2.749 хозяйствъ 2.540, или 93⁰/₁₀₀, не имѣютъ построекъ и только 7⁰/₁₀₀ имѣютъ землянки. Среди нихъ имѣется цѣлый рядъ группъ, кочевой путь которыхъ исчисляется въ 1.500, 2.000 и болѣе верстъ, и которые проводятъ не болѣе 2—3 зимнихъ мѣсяцевъ въ осѣдломъ состояніи, а есть и такія группы, которыя кочуютъ круглый годъ.

**) Вотъ составъ стадъ этихъ киргизъ въ ⁰/₁₀₀:

	Лошади.	Рог. скотъ.	Вербл.	Овцы.
Омскій уѣздъ	36	26.5	0.4	37.3
Актюбинскій уѣздъ	18	33	2.8	46.2
Павлодарскій уѣздъ	28.9	33.5	1.2	36.4

при переходѣ къ полуосѣдлому состоянію хозяйственный расчетъ побуждаетъ ихъ разводить рогатый скотъ, не требовательный на зимній кормъ (сѣно), дающій хорошую рабочую силу и имѣющій спросъ на русскихъ рынкахъ. Различіе продолжается и дальше. Почти всѣ хозяева этихъ уѣздовъ занимаются сѣнокошеніемъ; только 2% хозяевъ въ Актюбинскомъ и 6% въ Омскомъ и Павлодарскомъ (въ районѣ Иртыша) уѣздахъ не косятъ сѣна. И наконецъ, земледѣліемъ занимается 3% всего числа хозяевъ Омскаго, 45%, Павлодарскаго и 94% Актюбинскаго уѣздовъ. Замѣчу, что отвращеніе къ земледѣлію, обнаруженное омскими киргизами, объясняется не тѣмъ, что условія почвы и климата не благопріятствуютъ ему, а тѣмъ, что здѣсь киргизы находятъ для себя болѣе выгоднымъ, заниматься нѣкоторыми промыслами, связанными съ близостью города и желѣзной дороги, какъ напр., извозомъ, поденщиной и т. п. Въ этомъ уѣздѣ промысловой дѣятельностью заняты каждыя 65 хозяйствъ изъ 100, тогда какъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ на промысловыя хозяйства приходится 40%, въ Актюбинскомъ 34, а у южанъ, атбасарцевъ—всего 15%. Нечего и говорить, что въ этихъ 3 уѣздахъ зиму киргизы проводятъ въ теплыхъ земляныхъ, деревянныхъ или каменныхъ жилищахъ *).

*) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ хозяйства киргизъ, живущихъ въ такихъ гористыхъ уѣздахъ, какъ Каркаралинскій, Устькаменогорскій, Зайсанскій, южная часть Павлодарскаго уѣзда.

	Составъ стада въ %:			
	Лошади.	Рогат. скотъ.	Верблюды.	Овцы.
Каркаралинскій .	19.2	9.3	1.7	69.8
Устькаменогорскій	19.8	9.2	0.4	70.6
Зайсанскій	12	6.1	1.2	80.7
Павл. гор. ч. . .	20.3	16.5	1.5	61.7

Оказывается, что стадо киргизъ горныхъ районовъ весьма схоже съ стадомъ вѣчныхъ кочевниковъ, особенно относительно овецъ, которыя занимаютъ преобладающее значеніе. Въ другихъ отношеніяхъ уѣзды эти весьма различествуютъ. Такъ, напр., земледѣліемъ занимаются въ Зайсанскомъ уѣздѣ 72.5% хозяйствъ, въ Устькаменогорскомъ 69%, въ Каркаралинскомъ всего 14.5%, а въ горномъ районѣ Павлодарскаго уѣзда только 6.2%. Сѣнокошеніемъ занимаются въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ 97% хозяйствъ, въ Каркаралинскомъ и Павлодарскомъ 74 и 73%, а въ Зайсанскомъ только 44.5%. Если бы мы брали уѣзды не цѣликомъ, а выдѣлили бы изъ нихъ однородные районы и сравнивали бы ихъ между собою, то совпаденіе состава стадъ получилось еще болѣе полное, да и прочія стороны хозяйства не отклонялись бы такъ рѣзко.

Чѣмъ же объясняется такая зависимость строя киргизскаго хозяйства отъ естественныхъ условій? Главнымъ образомъ, примитивностью киргизскаго хозяйства, тѣмъ, что оно въ массѣ рассчитано на даровыя блага природы, тѣмъ, что киргизы подчиняютъ свое хозяйство естественнымъ условіямъ, а не наоборотъ. Конечно, естественныя условія мѣстности и вообще оказываютъ большое вліяніе на хозяйство, но здѣсь это вліяніе является преобладающимъ. Выше мы видѣли, что вѣчному кочевнику необходимо имѣть много овецъ ради шерсти и верблюдовъ для перевозки тяжести; зиму онъ проводитъ въ южныхъ районахъ, гдѣ лѣтомъ растительность выгораетъ, источники изсякаютъ, но послѣ осеннихъ дождей природа оживаетъ, и на зиму, когда выпавшій снѣгъ позволяетъ скоту обходиться безъ воды, онъ находитъ тамъ кормъ, правда, довольно скудный, но достаточный для того, чтобы съ наступленіемъ весны скотъ могъ имѣть достаточно силы двинуться на сѣверъ, на обильныя водою и травами джайлау (лѣтовки). И кочевникъ при такихъ условіяхъ не потому только разводитъ преимущественно овецъ и верблюдовъ, что они для него болѣе цѣнны, но и потому, что они являются наиболѣе приспособленными къ такого рода существованію: зимой, въ наиболѣе трудное время для скотовода, овца находитъ для себя прекрасный кормъ въ видѣ различныхъ мелкихъ травъ, а верблюды довольствуются грубымъ кустарникомъ; лошади въ этихъ условіяхъ приходится уже гораздо труднѣе, такъ же какъ и рогатому скоту, который не умѣетъ разгребать снѣгъ и плохо переноситъ дальнія кочевки, почему и отсутствуетъ въ стадѣ кочевника-южанина.

Въ горныхъ районахъ овцы преобладаютъ потому, что господствующіе въ зимнее время юго-западные вѣтры сносятъ снѣгъ съ на вѣтренныхъ склоновъ холмовъ и горъ, обнажая растительность. Эти склоны, „кунгей“, какъ ихъ называютъ киргизы, обыкновенно бываютъ каменисты и покрыты рѣденькой растительностью, наиболѣе пригодной для овецъ.

Наоборотъ, въ равнинахъ сѣвера, съ глубокими снѣгами, удобенъ такой скотъ, который умѣетъ доставать кормъ даже изъ-подъ глубокаго снѣга, т. е. лошадь, а затѣмъ такой, какъ рогатый скотъ, который довольствуется грубымъ сѣ-

номъ изъ толстостебельныхъ злаковъ, до молодого камыша включительно, уже совершенно непригоднаго для овецъ. Рогатый скотъ можно гонять въ заросли высокихъ травъ и онъ будетъ тамъ обламывать все, что торчитъ надъ снѣгомъ а кромѣ того, для него можно заготавливать сѣно изъ грубыхъ травъ да еще подѣ-осень, когда онѣ почти высохли на корню, что гораздо легче, чѣмъ заготавливать хорошее, зеленое сѣно.

Съ переходомъ киргизъ къ болѣе сложнымъ формамъ хозяйства, при которыхъ скотъ перестаетъ непосредственно удовлетворять почти всѣ потребности киргиза, а дѣлается продуктомъ обмѣна, вліяніе естественныхъ условій отходить на второй планъ, и киргизъ приспособляетъ свое хозяйство не къ природѣ, а къ рынку. Въ зависимости отъ рынка киргизы въ однихъ районахъ начинаютъ въ широкихъ размѣрахъ заниматься земледѣліемъ, а въ другихъ, оставаясь скотоводами, развиваютъ промысловую дѣятельность и т. д. Словомъ, хозяйство киргизъ на громадной территоріи, о которой идетъ рѣчь, не представляетъ чего-нибудь однообразнаго, а напротивъ, отличается крайнимъ разнообразіемъ, въ зависимости отъ естественныхъ условій и экономическихъ причинъ. Нечего и говорить, что формы хозяйства въ сильнѣйшей степени отражаются на всемъ строѣ жизни киргиза, на его домашнемъ обиходѣ, принуждая его покинуть столь любимую юрту и перейти въ землянку или въ деревянный домъ, заставляя его взяться за тяжелый трудъ земледѣльца въ однихъ районахъ, за поденщину на желѣзной дорогѣ или въ шахтахъ и рудникахъ — въ другихъ. Наконецъ, формы хозяйства оказываютъ самое непосредственное вліяніе на формы землепользованія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Но предварительно нѣсколько словъ о складѣ хозяйственной жизни киргизъ-кочевниковъ. Киргизы группируются по ауламъ. Зимній аулъ состоитъ въ среднемъ изъ 5—6 хозяйствъ, болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ; величина аула зависитъ отъ естественныхъ и хозяйственныхъ причинъ: въ горахъ аулы маленькіе—въ 2—3 хозяйства, въ равнинныхъ мѣстностяхъ—большіе—въ 15—20 и больше хозяйствъ. Причина этого—удобство пастбы. Обычно киргизы проводятъ всю зиму въ своемъ аулѣ, на „кстау“, какъ они

говорятъ, что значить—зимовникъ, а съ наступленіемъ весны отходятъ со всѣми стадами на свѣжія пастбища, проходя верстѣ по 15—20 въ день и останавливаясь на нѣкоторыхъ по нѣскольку дней. Путь свой, изъ года въ годъ одинъ и тотъ же, киргизы держатъ на лѣтовки „джайляу“, на которыхъ собираются большими группами и проводятъ мѣсяцъ-два, а затѣмъ снова разбиваются на мелкія группы и идутъ назадъ къ зимовкамъ. Почти всегда они останавливаются и также довольно большими группами на специальныхъ осеннихъ пастбищахъ—„кузеу“, откуда уже расходятся по своимъ „кстау“. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ развито сѣнокошеніе или хлѣбопашество, рабочая часть киргизъ уходитъ на время полевыхъ работъ съ частью скота къ своимъ покосамъ и пашнямъ; иногда, впрочемъ, эти работы поручаются, такъ называемымъ, „джатакамъ“, буквально „лежащимъ“, т. е. не кочующимъ по бѣдности. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, хозяйственный распорядокъ киргизскаго года.

Киргизы до сихъ поръ сохранили родовой строй, до сихъ поръ каждый изъ нихъ долженъ помнить своихъ семерыхъ предковъ, до сихъ поръ каждый киргизъ,—особенно это относится къ кочевникамъ-скотоводамъ,—опредѣляетъ себя не своимъ именемъ, или именемъ отца, не по мѣсту родины, а своимъ родовымъ именемъ; до сихъ поръ въ степи сохранились различные обряды и установленія: родовыя поминки, похороны, праздники, родовая месть. Первенствующее значеніе родовое право имѣетъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ. Почти всегда на вопросъ, чье это пастбище или вообще угодье, киргизъ отвѣтитъ—такого-то рода. И родовое использованіе пастбищъ сохраняется даже на арендованныхъ земляхъ, бывшихъ когда-то во владѣніи киргизъ, какъ напр., на земляхъ сибирскаго казачьяго войска, особенно вдоль рѣки Иртыша, гдѣ живутъ тысячи киргизскихъ семей, а также на земляхъ Кабинета. И тутъ и тамъ киргизы, арендуя усадебныя и покосныя мѣста (преимущественно) группами, составленными не по родству, а по достатку и вообще по соглашенію, сходятся для использованія осеннихъ и лѣтнихъ пастбищъ въ родовыя группы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти пастбища находятся также на арендованной землѣ. Такое скученіе киргизъ по родамъ въ лѣтнее время объясняется не только хозяйственными при-

чинами, но и тѣмъ, что въ это время, наиболѣе свободное, спокойное и сытое для кочевниковъ, они рѣшаютъ общественныя дѣла, справляютъ праздники, свадьбы, поминки, разбираютъ тяжбы и т. д.

III.

Исходя изъ матеріаловъ экспедиціи министерства земледѣлія, земли, находящіяся въ пользованіи киргизъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: I—земли общаго пользованія, открытыя не только для киргизъ даннаго уѣзда, или какого-либо обширнаго рода, но и для киргизъ другихъ уѣздовъ, другихъ родовъ, живущихъ нерѣдко гдѣ-нибудь далеко, и II—земли обособленнаго пользованія, доступныя лишь для весьма ограниченнаго числа лицъ.

Къ I категоріи относятся по преимуществу лѣтнія пастбища, на которыхъ лѣтомъ киргизы собираются въ большомъ числѣ. На лѣтовкахъ Актюбинскаго и Кустанайскаго уѣздовъ бываютъ киргизы не только другихъ уѣздовъ Тургайской же области, но и изъ другихъ областей: Уральской и Сыръ-Дарьинской. Въ Зайсанскій и Семипалатинскій уѣзды приходятъ семирѣченскіе киргизы, въ Атбасарскій—сырдарьинскіе. Но это не значитъ, что всѣ лѣтовки одинаково свободны. Напротивъ, въ ряду ихъ имѣются и такія, пользованіе которыми принадлежитъ сравнительно небольшимъ группамъ, ревниво оберегающимъ свое право на нихъ. Таковы, напр., нѣкоторыя горныя лѣтовки Устькаменогорскаго уѣзда и др. Что касается собственно использованія территоріи той или другой лѣтовки, то тутъ замѣчается весьма существенное различіе:—на однѣхъ каждый аулъ или группа ихъ можетъ остановиться на любомъ свободномъ мѣстѣ, т. е. на нихъ господствуетъ право захвата, на другихъ—право пользованія той или иной стоянкой, т. е., въ сущности, водопоемъ, закрѣплено за извѣстной группой хозяевъ и другіе не имѣютъ права здѣсь располагаться со своими стадами. Наиболѣе часто такое право создается сооруженіемъ искусственнаго водоема. Устроивъ колодезь, расчистивъ родникъ, киргизъ создаетъ право на стоянку—„джуртъ“, а стало-быть и на окружное пастбище—„орысъ“. Наиболѣе часто такое обособленіе источниковъ встрѣчается тамъ, гдѣ вода находится въ минимумѣ, гдѣ приходится

сооружать колодезь, или гдѣ естественные источники рѣдки. Рѣже такое обособленіе стоянокъ замѣчается по теченію рѣчки или по берегамъ прѣснаго озера.

Здѣсь, обыкновенно, кто гдѣ сталъ, тотъ тамъ и остается. Впрочемъ, на практикѣ хотя никто и не наблюдаетъ за порядкомъ использованія стоянокъ послѣдняго рода, но какъ-то ужъ такъ случается, что одни и тѣ же лица изъ года въ годъ останавливаются на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Къ пастбищамъ общаго пользованія принадлежатъ также осеннія пастбища, такъ называемыя „кузеу“. Въ сущности, провести рѣзкую грань между ними нельзя, и не рѣдко территория, служащая для однихъ киргизъ лѣтовкой, для другихъ является осеннимъ пастбищемъ. Вообще же осеннія пастбища используются преимущественно осенью, расположены они по-близости къ зимовкамъ и пользованіе ими носить болѣе обособленный характеръ, чѣмъ пользованіе лѣтовками, и болѣе мелкими родовыми группами, которыя на лѣтнихъ пастбищахъ сливаются въ болѣе крупныя роды. Пастбища общаго пользованія и особенно осеннія, нерѣдко служатъ для сѣнокошенія и хлѣбопашества, право на которое принадлежитъ также только тѣмъ родовымъ группамъ, въ пользованіи которыхъ находится вся территория. На лѣтовкахъ и сѣнокошеніе и распашка встрѣчаются рѣже, но зато, пожалуй, здѣсь чаще, чѣмъ на осеннихъ, устраиваются на постоянное житіе аулы, почему-нибудь не имѣющіе кстау, т. е. зимней стоянки. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда лѣтовка находится въ пользованіи обширныхъ родовыхъ группъ, изъ-за такого устройства на нихъ происходятъ довольно серьезныя распри между различными родовыми вѣтвями. Протестующіе противъ занятія подъ зимовники лѣтнихъ пастбищъ указываютъ на то, что пастбища эти общія и что образованіе на нихъ зимовокъ будетъ стѣснять кочевниковъ, ибо, кромѣ того, что часть территоріи обособляется въ частное пользованіе, неизбежны различныя столкновенія изъ-за травъ и т. д. По обычаю, въ рѣшеніи вопросовъ подобнаго рода принимаютъ участіе представители всѣхъ заинтересованныхъ и сообща постановляютъ рѣшеніе.

Чтобы покончить съ лѣтовками и осенниками, я скажу, что въ иныхъ случаяхъ эти уголья, вмѣстѣ съ покосами и зимними пастбищами, составляютъ одну сплошную террито-

рію, право пользованія которою принадлежитъ исключительно данной группѣ. Особенно часты случаи подобнаго рода въ Актюбинскомъ уѣздѣ, гдѣ вообще кочеваніе сведено почти на нѣтъ.

Переходя къ формамъ пользованія обособленными территориями, я долженъ сказать, что аулъ, являющійся первичной формой киргизскаго общежитія, далеко не всегда, и даже лучше сказать, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, представляетъ собою обособленную земельную единицу. Обычно же этой послѣдней является группа хозяйствъ, образующихъ нѣсколько ауловъ и связанныхъ между собою болѣе или менѣе близкимъ родствомъ. Экспедиція министерства земледѣлія присвоила этой группѣ названіе *общинно-аульной* группы и затѣмъ выяснила, что она представляетъ собою земельнородовую общину. Обычнымъ признакомъ такой общины является родовая связь ея членовъ и общее пользованіе нѣкоторой обособленной территоріей. Въ видѣ исключенія бываютъ общины, въ которыхъ имѣются представители двухъ и больше родовыхъ вѣтвей. Менѣе постояннымъ признакомъ общины служитъ общая кочевка, хотя нужно сказать, если группа и разбивается при кочеваніи, такъ только потому, что одни, богатые, хозяйства идутъ на дальнія лѣтровки, а бѣдные остаются на ближайшихъ, или же потому, что совмѣстная кочевка большими группами затруднительна изъ-за недостатка воды въ источникахъ или тѣсноты пастбищъ.

Что же касается собственно использованія различнаго рода угодій, заключенныхъ въ территоріи общины, то тутъ наблюдается значительное разнообразіе какъ въ правахъ каждаго изъ членовъ общины на всю территорію и на отдѣльныя ея части, такъ и въ формахъ пользованія различными угодьями. Вообще нужно различать: во-первыхъ, пользованіе собственно пастбищами, затѣмъ сѣнокосами и наконецъ пашнями, и во-вторыхъ, безотносительно къ этому, сумму правъ каждаго члена общины на каждое изъ этихъ угодій и на общую территорію общины.

Начнемъ съ покосовъ. Экспедиція различаетъ слѣдующія формы пользованія покосами: 1) подворное съ ежегоднымъ поравненіемъ долей, 2) подворное же, но безъ поравненія, и 3) дѣлежъ сѣна копнами при совмѣстной уборкѣ. Наиболѣе

распространено подворное пользованіе и притомъ безъ ежегоднаго поравненія долей. Изъ 8.314 ауловъ въ 5 уѣздахъ подворное пользованіе отмѣчено въ 5.726 аулахъ, или 69%, слѣдовательно, свыше $\frac{2}{3}$ ауловъ имѣютъ подворное пользованіе покосами и лишь менѣ трети дѣлятъ сѣно копнами. По отдѣльнымъ уѣздамъ это отношеніе не сохраняется, что видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Изъ 100 ауловъ пользуются покосами:

У Ѣ З Д Ы.	П о д в о р н о		
	Доли постоян- ныя.	Дѣлятъ еже- годно.	Косятъ сооб. дѣлятъ сѣно.
Каркаралинскій . . .	43,4	4,6	52
Устькаменогорскій .	82,5	1,6	15,8
Кустанайскій	63	13,8	23,2
Актюбинскій	81,2	6,4	12,4
Омскій	57,3	22,2	20,5

Рѣзко выдѣляется Каркаралинскій уѣздъ высокимъ % ауловъ, скашивающихъ сѣнокося сообща. Повидимому, причина этого лежитъ въ томъ, что уѣздъ очень бѣденъ сѣнокосями,—въ немъ накашивается всего 30 копенъ сѣна на хозяйство, тогда какъ въ Устькаменогорскомъ 90, въ Омскомъ 121, а въ Актюбинскомъ около 200 копенъ на хозяйство. При такомъ маломъ укосѣ, какъ 30 копенъ, да еще разбросанныхъ по нѣсколькимъ клочкамъ, дѣлеть покоса по хозяйствамъ весьма труденъ, поэтому киргизы предпочитаютъ выставлять по одному косцу отъ хозяйства, сообща косить сѣно и дѣлить его копнами.

Что именно количество сѣнокосовъ имѣетъ при этомъ большое значеніе, видно изъ сопоставленія волостей бѣдныхъ и богатыхъ покосами въ томъ же Каркаралинскомъ уѣздѣ. Оказывается, что въ западныхъ волостяхъ, со сборомъ сѣна свыше 30 копенъ на хозяйство, подворное пользованіе встрѣчается въ 65% всего числа ауловъ, а въ восточныхъ волостяхъ, со сборомъ ниже 30 копенъ на хозяйство, 65% ауловъ скашиваютъ сѣнокосы сообща. То же самое находимъ въ Атбасарскомъ уѣздѣ: въ сѣверныхъ волостяхъ, имѣющихъ большіе запасы сѣна (около 2 р. на хозяйство), 84% ауловъ имѣютъ подворные участки сѣнокоса и только 16% убираютъ сообща и дѣлятъ сѣно, а въ южныхъ волостяхъ, съ слабымъ сѣнокошеніемъ и малымъ количествомъ сѣно-

косовъ, наоборотъ — 78% ауловъ скашиваютъ сообща и только 22% дѣлятъ его подворно. Повидимому, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что *по мѣрѣ развитія сѣнокошенія*, среди хозяевъ замѣчается все болѣе сильное стремленіе обособить сѣнокосы въ свое индивидуальное пользованіе, чему однако въ малопокосныхъ районахъ ставится препятствіе въ видѣ недостатка сѣнокосныхъ угодій; иначе говоря, на первыхъ порахъ, когда *отдѣльными хозяевами* дѣлаются попытки запасти сѣно, захватъ сѣнокосныхъ участковъ совершенно свободенъ, — коси гдѣ хочешь, но сумѣй самъ сохранить свой запасъ. Въ дальнѣйшемъ, когда примѣръ заражаетъ другихъ, является необходимость регулировать распредѣленіе покосовъ и тогда въ однихъ районахъ, богатыхъ сѣнокосами, поравненіе достигается *поравненіемъ участковъ*, въ другихъ, бѣдныхъ сѣнокосами, районахъ поравненіе достигается *дѣлежомъ сообща убранныго сѣна*, ибо неудобно дѣлить между хозяевами клочки сѣнокоса въ 2—3 копны, т. е. въ 8—10 пудовъ.

Но и въ районахъ, богатыхъ сѣнокосами, обособленіе покосныхъ угодій вовсе не обозначаетъ окончательнаго, „навѣчно“ закрѣпленія ихъ за отдѣльными хозяевами. Не говоря уже о томъ, что довольно значительное число ауловъ практикуетъ ежегодно поравненіе покосныхъ долей, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда подворные участки наследственны, все же бываютъ случаи, когда община совершаетъ, въ той или иной формѣ, поравненіе сѣнокосныхъ участковъ. Нужно сказать, что нерѣдко въ одномъ и томъ же аулѣ, не говоря уже объ общинѣ, различные сѣнокосные участки используются различно. Обыкновенно лучшіе участки подѣлены подворно, худшіе — скашиваются сообща. При этомъ въ основаніе дѣлежа, если поравненіе происходитъ ежегодно, кладется или величина хозяйства, количество скота, или размѣръ повинностей: кто больше платитъ, тотъ больше и получаетъ. Самая техника дѣлежа мѣстами весьма походить на распоряжки у русскихъ крестьянъ, и киргизы сами говорятъ: „давно живемъ около русскихъ, отъ нихъ научились“: передъ началомъ сѣнокоса дѣлятъ участки на полосы и затѣмъ кидаютъ жребій. Случается, что пользованіе сѣнокосомъ принадлежитъ не аулу, а всей общинѣ, и даже нѣсколькимъ общинамъ. Тутъ уже примѣняется сложная

система дѣлежа: сначала по ауламъ, или по извѣстному числу хозяйствъ (десятки), а затѣмъ уже по хозяйствамъ. Плохіе сѣнокосы или такіе, гдѣ трава родится не каждый годъ, или просто неудобные для дѣлежа, скашиваются сообща. На уборку сѣна каждый хозяинъ выставляетъ косца и сѣно дѣлится поровну. Извѣстны случаи, когда цѣлыя общины переходили отъ подворнаго пользованія къ дѣлежу сѣномъ, но причины этого остались не выясненными. Одинъ подобный случай въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ особенно любопытенъ тѣмъ, что съ этого времени группа, не богатая скотомъ, начала дѣлить поровну выручку отъ работъ на золотыхъ приискахъ. Въ Омскомъ уѣздѣ нѣкоторыя общины перешли къ дѣлежу сѣна по требованію малопокосныхъ хозяевъ; въ другихъ общинахъ побуждали къ этому неурожаи травъ, отрѣзка части покосовъ подъ русскіе поселки, возвращеніе отсутствовавшихъ хозяевъ, словомъ, желаніе, заявленное, конечно, малопокосными хозяевами,—поравнять сѣно.

Но въ значительномъ большинствѣ ауловъ покосы находятся въ подворномъ и наслѣдственномъ пользованіи хозяевъ. Въ этихъ случаяхъ доли отдѣльныхъ хозяевъ не равной величины отчасти, вѣроятно, потому, что не равные участки были захвачены въ началѣ хозяевами, отчасти вслѣдствіе раздѣла отцовскаго участка на части между сыновьями. Впрочемъ, не всегда новое хозяйство при выдѣлѣ получаетъ сѣнокосъ изъ отцовской доли; въ иныхъ случаяхъ сѣнокосъ дается ауломъ или изъ выморочныхъ участковъ, оставшихся на обществѣ, или же, что бываетъ гораздо рѣже, новое хозяйство получаетъ покосъ отъ аула, при чемъ соотвѣтственно уменьшается доля каждаго хозяина. Вообще говоря, при поодворно-наслѣдственномъ пользованіи покосами хозяева являются не владѣльцами, а наслѣдственными пользователями; они не могутъ передать своего покоса никому, кромѣ законныхъ наслѣдниковъ, и если таковыхъ нѣтъ, то покосъ переходитъ къ общинѣ*).

*) Въ сущности говоря, не достаточно выяснено, переходятъ ли выморочные участки къ общинѣ, къ аулу, или родовой группѣ: существуетъ указаніе и на то, и на другое, и на третье, хотя, въ сущности, и аулы и община являются также родовыми группами.

Даже бездѣтная вдова далеко не всегда сохраняетъ пожизненное право на сѣнокосъ. Передача покоса другому лицу допускается лишь временно, при чемъ сдавшій свой участокъ не имѣетъ права требовать новаго отъ общества. За послѣдніе годы въ районахъ равнинныхъ ковыльных степей получила широкое распространеніе среди киргизъ сѣнокосилка, благодаря которой явилась возможность скашивать ковыль, почти совершенно не поддающійся обыкновенной косѣ.

Въ степяхъ работаютъ уже тысячи косилокъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ передъ киргизами встанетъ вопросъ объ урегулированіи скашивания ковыльной степи, каковое до послѣдняго времени опредѣлялось лишь потребностями хозяина въ сѣнѣ, — сколько нужно было, столько и косиль.

Пользованіе пахотными угодьями различается въ зависимости отъ того, какая пашня—арычная или богарная, т. е. орошаемая или не орошаемая.

Искусство орошенія киргизы вынесли изъ средней Азіи; богарнымъ посѣвамъ они научились у русскихъ. Арычные пашни требуютъ затраты большого количества труда на устройство оросительной системы, что доступно только соединеннымъ усиліямъ болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ; богарные посѣвы доступны силамъ отдѣльнаго хозяина, разъ онъ имѣетъ средства на приобрѣтеніе пахотнаго орудія и располагаетъ достаточнымъ количествомъ скота; маломощные хозяева спрягаются по два, по три, подобно русскимъ крестьянамъ, и обрабатываютъ пашню сначала одному, затѣмъ другому. Въ зависимости отъ этого, при арычномъ земледѣліи трудовое начало имѣетъ первенствующее значеніе: только тотъ имѣетъ право на пашню, кто принималъ участіе въ проведеніи арыковъ, и соотвѣтственно числу поставленныхъ работниковъ *).

*) Вотъ болѣе или менѣе полное изложеніе земельныхъ распоряжковъ при арычномъ земледѣліи на р. Чу, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ.

По переписи 1898 года, на Чу оказалось 616 наличныхъ хозяйствъ, составившихъ 190 ауловъ, разбивающихся въ административномъ отношеніи на 5 старшинствъ: 4 Чуйской и 1 Моюнтинской вол. Въ хозяйственномъ отношеніи они распределяются по 18 тоганамъ, т. е. главнымъ арыкамъ, несущимъ воду изъ рѣки на пашню, изъ которыхъ 4 принадлежать роду

То же приблизительно находимъ и въ другихъ уѣздахъ: всюду право пользованія водой изъ арыка даетъ участіе въ

Аргынъ, а 14 къ роду Джалаиръ. Тоганъ, приносящій воду изъ Чу, объединяетъ хозяевъ, пользующихся водою, а право пользованія водою обусловлено участіемъ въ работахъ по проведенію тогана. Если принять во вниманіе, что теперь длина тогановъ достигаетъ 20 верстъ, то можно себѣ представить, какую массу труда необходимо было положить на проведеніе и поддержаніе такого арыка особенно въ такихъ случаяхъ, когда приходится дѣлать высокую насыпь для проведенія воды черезъ низины или, наоборотъ, прорывать высокія мѣста. Само собою разумѣется, что такая работа могла быть произведена только соединенными силами многихъ, и вотъ почему мы видимъ, что все населеніе Чу раздѣлилось по числу главныхъ арыковъ на 18 общинъ, объединенныхъ, кромѣ родства, совмѣстнымъ трудомъ по проведенію арыка и пользованіемъ орошаемою имъ землею.

Направленіе тогана опредѣляетъ площадь земли, используемой данной группой хозяевъ: все, что находится между двумя тоганами, принадлежитъ группѣ, владѣющей тоганомъ, начинающимся выше по теченію рѣки; впрочемъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вверхъ отъ тогана находится участокъ, который можетъ быть орошенъ водою этого арыка, то онъ используется именно этой, а не выше лежащей группой. Въ иныхъ случаяхъ вопросъ, кому занимать спорный участокъ—выше или ниже лежащей общинѣ, рѣшается жребіемъ. Никакихъ условныхъ границъ, опредѣляющихъ землепользованіе различныхъ общинъ, нѣтъ; границу дѣлаетъ вода, и территорія, находящаяся за пашнями, считается въ общемъ пользованіи всѣхъ живущихъ на Чу, до тѣхъ поръ, пока она не будетъ прорѣзана тоганомъ.

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ, между двумя сосѣдними тоганами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ аргыновцамъ, а другой джалаирицамъ, имѣется граница, установленная во избѣжаніе споровъ, такъ какъ рельефъ мѣстности позволяетъ ниже лежащему тогану орошать земли по обѣ стороны. Разстояніе между двумя сосѣдними тоганами неодинаково на всемъ протяженіи ихъ; оно, вслѣдствіе неровности поверхности, то уменьшается до 1 версты, то возрастаетъ до 8—9 верстъ, а стало быть и площади, заключенная между каждой парой арыковъ, могутъ быть неодинаковы, но это обстоятельство не влечетъ за собою стѣсненія въ землѣ однѣхъ группъ передъ другими, такъ какъ, во-1-хъ, каждая община можетъ выдвинуть свой тоганъ дальше вглубь, а, во-2-хъ, и самыя группы не представляютъ собою чего-то совершенно неподвижнаго, и переходъ изъ малоземельнаго тогана въ многоземельный обыкновенно допускается принимающей группой. Впрочемъ, случаи перехода изъ тогана въ тоганъ довольно рѣдки и, конечно, случаются только между киргизами одного рода. Отлучившіеся сохраняютъ право на землю въ своемъ тоганѣ и по возвращеніи получаютъ землю сообразно своему участію въ общественныхъ работахъ. Случаи пріема постороннихъ хотя и бываютъ, но рѣдко, и если они и пользуются землею наравнѣ съ прочими при условіи несенія извѣстной части повинностей и участія въ общественныхъ работахъ, то во всякомъ случаѣ общество въ правѣ

работахъ по проведенію, или ремонту его, а величина участка пашни, получаемой каждымъ работникомъ, опредѣляется тѣмъ количествомъ воды *), которое приходится на его долю. Никто не помѣшаетъ хозяину занять столько земли, сколько ему вздумается, но воды для его орошенія онъ получаетъ ровно столько, сколько полагается на его пай.

И если богатому хозяину захочется увеличить свой посѣвъ, такъ это ему удастся лишь въ томъ случаѣ, если кто-нибудь продастъ ему свое право на воду. Какъ видимъ, тутъ все дѣло въ водѣ, въ затратѣ труда на оборудованіе оросительной системы. И это право ревниво охраняется. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ созиданіемъ и поддержкой этой системы работали въ теченіе многихъ лѣтъ, право на нее сохраняется лишь за потомками трудившихся надъ нею, посторонніе не имѣютъ права на пользованіе водой, зато отсутствовавшій въ теченіе ряда лѣтъ прямой потомокъ оборудовавшихъ орошеніе снова получаетъ право на воду, разъ онъ возвратился въ свою общину и принялъ участіе въ работахъ по поддержанію оросительной системы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оборудованіе орошенія не требуетъ труда многихъ, а доступно небольшой артели, или даже одному хозяину, право на воду принадлежит не цѣлой общинѣ, а лишь тѣмъ, кто участвовалъ въ работахъ. Конечно, община можетъ наложить свое veto и не позволить проведенія арыковъ, но разъ позволеніе дано—право сохраняется

каждую минуту отобрать у нихъ земли, иначе говоря, прогнать ихъ, если они окажутся не ко-двору. По смерти главы семьи право на его участокъ принадлежитъ взрослому сыну, а если такого нѣтъ, то вдовѣ, но если такая осиротѣлая семья не принимаетъ дальнѣйшаго участія въ работахъ по проведенію арыка, то не получаетъ и земли. Извѣстны, однако, случаи, когда общество отводитъ бѣднякамъ участокъ земли, не требуя участія въ работахъ. Если вода опредѣляетъ площадь пахотныхъ земель, используемыхъ данной общиной, и регулируетъ земельныя отношенія сосѣднихъ общинъ, то такую же роль при разверсткѣ пахотной земли между однообщинниками играетъ трудъ. По обычаю, въ общественныхъ работахъ долженъ принимать участіе каждый мужчина не ниже 16-ти-лѣтняго и не выше 60-ти-лѣтняго возраста, и каждый участникъ получаетъ одинаковый пай.

*) Количество воды опредѣляется временемъ: на каждый пай вода изъ арыка пускается въ теченіе полусутокъ, сутокъ и т. д., глядя по размѣрамъ арыка и количеству воды въ немъ.

за трудившимися надъ арыками до тѣхъ поръ, пока они сами не откажутся отъ него *).

Вообще говоря, вопросъ о *правѣ на воду* при арычномъ земледѣліи является весьма сложнымъ вопросомъ, и матеріалы экспедиціи, съ которыми я имѣлъ дѣло, не даютъ возможности освѣтить его со всѣхъ сторонъ. Быть можетъ, отчасти это недостатокъ изслѣдованія, но съ другой стороны несомнѣнно, что въ районѣ степныхъ областей арычное земледѣліе имѣетъ слишкомъ малое значеніе, и врядъ-ли даже исчерпывающее изслѣдованіе вопроса дало бы достаточный матеріалъ для его рѣшенія. Другое дѣло—такіе районы, какъ болѣе южныя пространства Сырь-Дарьинской, Ферганской и др. областей, или Закавказье, съ развитымъ земледѣліемъ, основанномъ на орошеніи. Тамъ вопросъ о „правѣ на воду“ поставленъ во всей его сложности и многообразіи, тамъ изученіе его можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какія же формы должно вылиться это право въ концѣ концовъ. Повидимому, и существующая литература достаточно для правильной постановки и рѣшенія вопроса, но это уже не входитъ въ задачу настоящей работы.

Совершенно не то встрѣчаемъ въ пользованіи богарными пашнями. Даже въ уѣздахъ съ болѣе развитымъ земледѣліемъ, какъ Актюбинскій, по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ царитъ почти полностью право перваго захвата, вольной займки любого количества пашни. Въ сборникѣ по Актюбинскому уѣзду сказано, что земледѣліемъ актюбинскіе киргизы начали заниматься почти одновременно съ тѣмъ, какъ научились сѣнокосенію, но самые порядки пользованія пахотными землями до сихъ поръ еще не вышли изъ своей примитивной стадіи. Есть цѣлый рядъ общинъ, въ которыхъ отдѣльные хозяева пашутъ тамъ, гдѣ имъ взду-

*) Любопытный фактъ отмѣченъ въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ. Въ Курчумской волости этого уѣзда на уроч. Дженешке распахано все, что можно, и увеличить количество пашни уже нельзя. Но вслѣдствіе того, что вначалѣ тамъ господствовало захватное право, пахотные участки отдѣльныхъ группъ не равны, и въ настоящее время образовалось крайне неравномѣрное пользованіе пашень, усиленное еще тѣмъ обстоятельствомъ, что надѣленіе вновь образующихся хозяйствъ лежитъ не на обществѣ, а на хозяйствахъ, изъ которыхъ они выдѣляются. Богачамъ это, пожалуй, и на-руку, ибо они берутъ въ аренду землю бѣдняковъ, но вообще-то такое положеніе дѣла находить много противниковъ, поднимающихъ вопросъ о поравненіи.

мается, и въ которыхъ вольныя займки подъ пашни являются единственнымъ способомъ использованія общинной земли въ цѣляхъ земледѣлія. Въ этомъ уѣздѣ имѣются хозяева, распахивающіе сотни десятинъ земли безъ всякаго протеста со стороны однообщественниковъ. Впрочемъ, пожалуй, это и не совсѣмъ такъ. По крайней мѣрѣ, имѣются указанія на то, что въ нѣкоторыхъ общинахъ дѣлаются первые шаги къ поравненію, выражающіеся въ томъ, что хозяева, распахивающіе много земли, облагаются высшимъ сравнительно съ прочими хозяевами сборомъ на уплату налоговъ. Право отдѣльныхъ хозяевъ на занятый ими участокъ пахотной земли, собственно говоря, на распаханную ими землю, не вездѣ одинаково: въ иныхъ случаяхъ оно остается за ними до тѣхъ поръ, пока она засѣвается, въ другихъ случаяхъ и залежь остается въ ихъ же пользованіи, т. е. они ее косятъ и вновь распахиваютъ, до тѣхъ поръ пока сами не откажутся отъ нея. Кое-гдѣ встрѣчается такой порядокъ, что сильныя хозяйства пользуются преимущественно твердыми цѣлинными землями, дающими лучшіе урожаи, а слабыя—мягкими залежными землями, хотя и менѣе урожайными, но зато и болѣе легкими въ обработкѣ. Такой порядокъ, кстати сказать, часто встрѣчается въ русскихъ селеніяхъ.

Выше я говорилъ, что въ пользованіи пахотными землями царить вольная займка. Это вѣрно только до извѣстной степени: дѣло въ томъ, что все-таки указаніе мѣстъ для распашки остается за обществомъ, т. е. за общиной или ауломъ, если распахиваются земли, принадлежащія общинѣ или аулу, и за болѣе широкой группой хозяевъ, если распахивается площадь общаго пользованія. Въ сущности говоря, пожалуй, никто бы не сталъ протестовать противъ распашки любого участка, особенно на площадяхъ общаго пользованія, лишь бы распахавшій самъ оберегалъ свои посѣвы, если бы не опасеніе, что, укрѣпившись здѣсь, зайщикъ явится захватчикомъ общаго достоянія въ ущербъ прочимъ,—опасеніе, имѣющее за себя не мало, особенно въ виду статьи 125 Степного положенія, дающей право на наслѣдственное пользованіе землею въ подобныхъ случаяхъ. И въ матеріалахъ экспедиціи попадаются указанія, что только съ подобною цѣлью распахано такое-то урочище, закрѣпленное затѣмъ русскою властью за захватчикомъ.

Этимъ, пожалуй, и исчерпывается все, что можно сказать о способахъ пользованія пахотными землями.

Еще одно замѣчаніе. Мнѣ уже приходилось говорить, что покосы и пашни бываютъ не только на территоріи, принадлежащей этой или иной группѣ, но также и на территоріи общаго пользованія. И въ этихъ случаяхъ право пользованія этихъ угодій распространяется на всѣ тѣ роды, которымъ вообще принадлежитъ данная территорія. Ради осуществленія этого права, киргизы являются за 50—70 и больше верстъ. Если это покосъ, такъ около него ставятся постройки, куда на зиму переходятъ пастухи съ частью скота. Это носитъ названіе *кельте-кстау*, или *джарганъ-кстау*, т. е. побочная зимовка.

Л. Чермакъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земство въ Якутской области.

Обстоятельства моей жизни сложились такимъ образомъ, что для меня Якутскій край былъ не только мѣстомъ ссылки, гдѣ я долженъ былъ бы пробыть и на самомъ дѣлѣ пробылъ бы всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ или немного лѣтъ, но какъ бы второй родиной: я прожилъ тамъ *четырнадцать* лѣтъ. На аборигеновъ смотрѣлъ я не только какъ на представителей низшей расы, могущихъ служить лишь объектомъ наблюденій и изученія: я *сжился* съ ними, связанъ былъ со многими изъ нихъ не только матеріальными, но и духовными узами... Наконецъ, важно здѣсь и то, что попалъ я въ Якутскую область не въ зрѣломъ возрастѣ, съ установившимися симпатіями къ вещамъ и людямъ, съ долгимъ рядомъ лѣтъ искуса въ житейской практикѣ. Мнѣ было тогда (въ 1883 г.) всего 26 лѣтъ, при чемъ послѣднія передъ тѣмъ 5½ лѣтъ своей жизни я провелъ въ тюрьмѣ. Все это привело къ тому, что Якутскій край сдѣлался для меня второю родиной, а якуты—я ихъ... полюбилъ! И до сихъ поръ, черезъ 10 лѣтъ послѣ того, какъ я оставилъ, по всей вѣроятности, навсегда, Якутскую область, я органически не въ состояніи пройти мимо возможности быть хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ для Якутскаго края или его обитателей.

16 ноября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ выходятъ **ежене-
дѣльно** въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Откладывать ли введеніе земства въ Си-
бири? *С. Катунскаго.*
- II. Формы киргизскаго землепользованія (Про-
долженіе). *Л. Чермака.*
- III. Отвергнутый проектъ ускореннаго заселенія
Приамурья *В. Вольскаго.*
- IV. Художникъ-сибирякъ. *Е. Колтоновской.* ✓
- V. Къ вопросу о бурятскомъ многоземельѣ . *М. Богданова.* ✓
- VI. Первый сборникъ гилацкой поэзіи. *Э. П.*
- VII. Расхищать или сохранять? *Р.*
- VIII. Якутскій отдѣлъ Географическаго О-ва . . *Э. Пекарскаго.*
- IX. Въ О-вѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.
- X Сибирскія письма (Якутскъ).
- XI. Въ Таврическомъ дворцѣ.
- XII. Сибирскіе депутаты въ Госуд. Думѣ.
- XIII. Сибирскіе вопросы въ думскихъ комиссіяхъ.
- XIV. У сибирскихъ депутатовъ.
- XV. Хроника.
- XVI. Русская жизнь.
- XVII. Иностранная жизнь.
- XVIII. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1908.

своего отношенія въ первую сессію къ вопросу о немедленномъ введеніи въ Сибири земскаго строя, хотя бы на началахъ, дѣйствующихъ въ земскихъ губерніяхъ.

Въ заключеніе стоитъ только взглянуть на жизнь въ Сибири при ея нынѣшнихъ условіяхъ: безъ земства, безъ суда присяжныхъ, безъ культурно-просвѣтительныхъ учреждений въ громадномъ большинствѣ городовъ... Въ этомъ отношеніи угнетающее впечатлѣніе производитъ открытое письмо къ фракціи октябристовъ г. Н. Яковлева изъ Семипалатинска (въ № 272 „Рѣчи“), гдѣ авторъ съ душевной скорбью „изъ своего глухого края“ задаетъ вопросъ: что же дѣлать намъ, стоящимъ внѣ всякихъ партій прогрессивнымъ людямъ, которые мириться съ (мѣстнымъ) произволомъ не могутъ и хотѣли бы принять участіе въ той громадной культурной и устроительной работѣ, которая теперь такъ грозно требуется жизнью для обновленія нашей родины?..

...Милостивые государи, я знакомъ съ теоріей „успокоенія“, но если даже вы стоите за нее, вѣдь не покой же кладбища вамъ нуженъ? А потомъ, развѣ не знаете вы, что именно подъ покровомъ могильной тишины всюду и всегда пріобрѣтаютъ силу одни только представители самыхъ крайнихъ, иногда самыхъ фантастическихъ ученій? Вездѣ, въ любой глуши, въ низахъ усиливается у насъ анархизмъ, и проповѣдь культурной борьбы встрѣчаетъ однѣ саркастическія улыбки“.

С. Катунскій.

ФОРМЫ КИРГИЗСКАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ.

(Продолженіе, см. № 23—24).

Изучая формы пользованія собственно пастбищами, мы находимъ послѣдовательный переходъ отъ совершенно свободной пастбы скота каждымъ членомъ данной общины въ любомъ мѣстѣ общинной территоріи до полного обособленія пастбищъ по хозяйствамъ съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ границъ. Вообще говоря, чѣмъ большую цѣнность имѣетъ пастбище для киргиза, тѣмъ оно обособленнѣе; это замѣчается какъ во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ одной и той же группы, такъ и различныхъ группъ между собою. Оста-

новлюсь сначала на использованіи пастбищъ внутри группы. Призимовочныя территоріи по составу угодій довольно разнообразны, начиная отъ такихъ, въ которыхъ имѣются все роды пастбищъ: лѣтнія, осеннія, зимнія, а также покосы и пашни, и кончая такими, которыя состоятъ исключительно изъ зимнихъ овечьихъ пастбищъ, на которыя до выпаса снѣга киргизы не приходятъ, ибо здѣсь нѣтъ воды. Какъ общее правило, можно установить, что использование пастбищъ, предназначенныхъ для пастбы до выпаса снѣга, болѣе или менѣе свободно для всехъ членовъ данной группы, и если ограниченія замѣчаются, если группа, по пользованіи осенними пастбищами, входящими въ составъ общей территоріи, разбивается на подгруппы,—то это диктуется удобствами самой пастбы и пользованіемъ водопоями. Въ районахъ маловодныхъ, гдѣ источниковъ мало и гдѣ приходится затрачивать трудъ на ихъ оборудованіе, тамъ киргизы ревниво охраняютъ свои права на данный источникъ, а стало быть и на „орысь“, т. е. окружное пастбище. И наоборотъ. Что касается собственно зимнихъ пастбищъ, то наблюдаются слѣдующіе случаи: 1) когда аулы пасутъ безъ всякаго ограниченія по всей территоріи; 2) когда каждый аулъ (иногда 2—3 вмѣстѣ) пасетъ скотъ близъ своего кстау (зимовка); 3) когда аулъ выдѣляетъ нѣкоторую охраняемую территорію, которую въ разныхъ случаяхъ называютъ то „кой-булюкъ“, т. е. овечьей особнякъ, то „корыкъ“ (отъ слова корь—запасъ) т. п.; 4) когда аулы дѣлятъ между собою всю территорію общины. Первые два случая имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ зимняя пастба мелкаго скота возможна лишь въ началѣ зимы, когда снѣгъ лежитъ тонкимъ слоемъ, гдѣ, пастбищъ, свободныхъ отъ снѣга во всю зиму, нѣтъ, гдѣ, стало быть, этого рода пастбища не представляютъ особой цѣнности. Этого типа общины встрѣчаются въ равнинныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., въ Актюбинскомъ уѣздѣ, гдѣ зимняя пастба мелкаго скота совершенно исчезла, пользованіе пастбищами каждой общины послѣ уборки сѣна и хлѣба совершенно свободно даже не только для своихъ сообщинниковъ, но для постороннихъ. То же наблюдается въ равнинахъ Акмолинскаго, Омскаго и др. уѣздовъ. Съ другой стороны, въ горахъ Каркаралинскаго, Зайсанскаго, Семипалатинскаго уѣздовъ имѣется цѣлый рядъ общинъ

иного типа, въ которыхъ пастбища подѣлены даже по хозяйствамъ. Здѣсь зимнее пастбище для мелкаго скота имѣетъ огромную цѣну, и хозяинъ бережетъ его до поры до времени, какъ зѣницу ока, охраняя не только отъ чужаго скота, но отъ своего.

По такому „коруку“ не позволяютъ даже пройти или проѣхать человѣку, чтобы не затоптать его. Киргизы, образно выражаясь, говорятъ, что мясо, заготовленное въ „го-гумъ“, т. е. на зиму впрокъ, онъ не такъ бережетъ, какъ эти коруки *).

Между этими крайностями можно прослѣдить цѣлый рядъ переходныхъ формъ. Зачатки обособленія нѣкоторыхъ пастбищъ изъ территоріи общины отдѣльными аулами, или же группами ихъ проявляются въ томъ, что эти аулы сохраняютъ для себя ближайшее къ ихъ зимовкамъ пастбище. Это пастбище не имѣетъ еще границъ, и право на него фиксировано не настолько, чтобы оно могло считаться какъ нераздѣльное достояніе аула, но мало-по-малу къ этому привыкаютъ,—тѣмъ болѣе, что и фактически каждый аулъ старается держать свой скотъ поближе,—право аула закрѣпляется, является необходимость оговорить границы, а мѣстами обозначить искусственными признаками. Происходить обособленіе извѣстной территоріи около аула. Отсюда не далеко и до полнаго раздѣленія территоріи общины по ауламъ, а еще немного далѣе—и по хозяйствамъ. Этотъ процессъ обособленія пастбищъ въ личное достояніе отдѣльныхъ хозяевъ мы могли намѣтить лишь путемъ изученія существующихъ формъ землепользованія въ различныхъ районахъ изслѣдованнаго края. Прослѣдить динамику этого процесса на какихъ либо отдѣльныхъ общинахъ мы не можемъ, или почти не можемъ, за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ, но тѣ указанія подобнаго рода, которыя находятся въ матеріалахъ экспедиціи, подтверждаютъ намѣченный выше путь обособленія пастбищъ. Въ различныхъ уѣздахъ, въ цѣломъ рядѣ общинъ имѣются указанія на то, что границы кой-булюковъ, или границы между аулами, установ-

*) Въ сущности, эти пастбища совершенно равноцѣнны покосамъ, отличаясь отъ нихъ лишь тѣмъ, что здѣсь скотъ самъ собираетъ кормъ безъ посредства человѣка.

лены отцами и дѣдами современниковъ во избѣжанія могущихъ возникнуть ссоръ или уже послѣ разыгравшихся столкновений. Повидимому, тѣснота является первой причиной возникновенія границъ внутри общинъ. Но возникновеніе границъ еще не означаетъ непремѣнное ихъ соблюденіе, и во многихъ случаяхъ хотя границы и имѣются, но не соблюдаются, пока между сосѣдями царитъ миръ. Скажу кстати, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ цѣломъ рядъ общинъ внутреннія границы между аулами уничтожены по рѣшенію общинъ, ибо стало такъ тѣсно, что раздѣльная пастба скота сдѣлалась невозможной.

Характеръ использованія призимовочныхъ пастбищъ иллюстрируется слѣдующими данными.

Рѣзкое различіе наблюдается между Зайсанскимъ и Петропавловскимъ уѣздами. Первый—преимущественно гористый, второй—исключительно равнинный. Въ первомъ болѣе половины всѣхъ общинъ подѣлили призимовочную площадь между аулами, при чемъ 10% общинъ имѣетъ искусственные пограничные признаки между аулами, и во всѣхъ этихъ случаяхъ территорія подѣлена не только между аулами, но и между хозяйствами, а во второмъ только $\frac{1}{4}$ общинъ имѣетъ межаульные границы. Въ Зайсанскомъ уѣздѣ изъ 300 общинъ 57, или 19%, т. е. почти $\frac{1}{5}$ часть, подѣлили территорію по хозяйствамъ, а 3% общинъ перешли изъ-за тѣсноты въ пастбищахъ отъ раздѣльнаго пользованія призимовочной территоріи къ совмѣстному. Въ Петропавловскомъ нѣтъ ни одной общины съ раздѣленнымъ по хозяйствамъ пастбищемъ и ни одного случая, когда бы общины отъ раздѣльнаго пользованія перешли къ совмѣстному. Я взялъ эти два уѣзда, какъ крайнія противоположности въ этомъ отношеніи (хотя, впрочемъ, Актюбинскій уѣздъ стоитъ еще ниже Петропавловскаго въ этомъ отношеніи); прочіе уѣзды располагаются между ними. Конечно, если брать не цѣлые уѣзды, а разбивъ ихъ на районы, произвести подобную группировку общинъ, да еще въ связи съ размѣрами землепользованія, то отмѣченный фактъ обозначится болѣе рѣзко, но я полагаю, что и такъ можно считать достаточно яснымъ характеръ землепользованія въ связи съ рельефомъ мѣстности, обуславливающимъ, въ свою очередь, формы хозяйства.

Переходя къ взаимоотношенію сосѣднихъ общинъ, можно сказать, что въ разныхъ районахъ, при различныхъ условіяхъ, такъ называемая призимовочная территорія, въ смыслѣ обособленности и опредѣленности ея границъ, представляетъ значительное разнообразіе, начиная отъ совершеннаго отсутствія какихъ бы то ни было границъ и кончая границами, обозначенными искусственными признаками въ видѣ ямъ, кучекъ изъ дерева, пирамидокъ изъ камней. Полное отсутствіе границъ наблюдается тамъ, гдѣ аулы окружены пастбищами общаго пользованія и гдѣ, при томъ, настолько свободно, что нѣтъ нужды въ какихъ бы то ни было границахъ. Но какъ только является необходимость охранить какой-нибудь клочекъ сѣнокоса или пастбища отъ чужого скота,—зачатки границъ на лицо. Ауль или группа ауловъ располагаются около этой границы и заявляютъ: дальше не ходите, дальше мы бережемъ для себя. Между сосѣдними группами границы носятъ то совершенно неопредѣленный характеръ, когда пограничными признаками служатъ цѣлыя урочища, въ родѣ какой-нибудь низины, или зарослей кустарника, или рощицы, озерка, сопки и т. п., на которыхъ сходятся при пастьбѣ скотъ сосѣднихъ общинъ; то болѣе опредѣленный, когда пограничными признаками служатъ: могилы, одинокое дерево, груда камней, ручей и т. п. и наконецъ, искусственные признаки. Само собою понятно, что опредѣленность границъ находится въ прямомъ отношеніи къ цѣнности для киргизъ той или иной территоріи, тѣхъ или иныхъ угодій. Напр., въ Актюбинскомъ уѣздѣ, съ развитымъ земледѣліемъ, границы опредѣляются чаще всего по пашнямъ и сѣнокосамъ, зимнія пастбища тамъ не имѣютъ большой цѣнности, и по уборкѣ сѣна и хлѣба границы теряютъ свое значеніе, и чужой скотъ свободно переходитъ ихъ. Иное дѣло въ горахъ Зайсанскаго, Устькаменогорскаго и др. уѣздовъ. Тамъ пастбище имѣетъ первостепенное значеніе, ибо въ зимнее время мелкій скотъ пасется, а такъ какъ удобныхъ зимнихъ пастбищъ вообще не много, то и понятно, что они должны строго опредѣляться и охраняться. И въ характеристикѣ междуобщинныхъ границъ въ горныхъ районахъ мы наталкиваемся постоянно на указанія, что эти границы опредѣляются искусственными признаками и строго соблюдаются.

Необходимо замѣтить однако, что въ этихъ горныхъ районахъ границы существуютъ и соблюдаются лишь тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ значеніе. Такъ, весьма часто территоріи общинъ представляютъ собою полосы, спускающіяся съ горъ въ долины, и границы, опредѣленные въ горахъ, теряютъ эту опредѣленность, расплываются и, наконецъ, вовсе исчезаютъ въ равнинѣ, особенно, если послѣдняя представляетъ мало привлекательнаго для хозяина. Киргизы называютъ такія неопредѣленные границы: „нобай“ или „джоба“, т. е. направление или мысленная граница *).

Сопоставленіе формъ землепользованія, наблюдавшихся въ различныхъ районахъ обширнаго Киргизскаго края, должно привести насъ къ мысли, что поземельныя отношенія киргизъ не представляютъ чего-то вполне установленнаго законченнаго. Напротивъ, все говоритъ за то, что отношенія эти находятся въ періодѣ формировки, развитія, что въ различныхъ районахъ мы наблюдаемъ лишь различныя стадіи одного и того же процесса, сущность котораго заключается въ постепенномъ обособленіи земельныхъ угодій. Въ самомъ дѣлѣ, насколько позволяютъ судить объ этомъ матеріалы по динамикѣ формъ землепользованія въ различныхъ районахъ, при различныхъ случаяхъ, мы можемъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовать тотъ путь, которымъ шелъ этотъ процессъ. Въ первое время появленія киргизъ на сказанной территоріи земельной тѣсноты не ощущалось, и пользованіе землей было совершенно свободно. Соединившись въ родовыя группы большей или меньшей величины и облюбовавъ

*) Вотъ нѣкоторыя цифры, иллюстрирующія характеръ межобщинныхъ и межаульныхъ границъ, а стало быть, и характеръ пользованія приривочной территоріей.

Въ Устькаменогорскомъ сборникѣ находимъ такую табличку:

Общины съ границами:

Неопредѣленными: Опредѣленными: Искусственными:

	число	въ %.	число	въ %.	число	въ %.
Горный районъ	2	1,2	166	97,05	3	1,75
Равнинный районъ . .	4	23,5	13	76,5	—	—

Стало бытъ, въ горныхъ районахъ границы гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ равнинныхъ, гдѣ цѣлая четверть общинъ имѣетъ неопредѣленные границы, тогда какъ въ горныхъ районахъ почти 99% общинъ имѣютъ опредѣленные границы, въ томъ числѣ почти 2% имѣютъ границы съ искусственными признаками.

себѣ подходящія пастбища—въ то время они не занимались ни сѣнокосеніемъ, ни хлѣбопашествомъ,—киргизы переходили съ мѣста на мѣсто, совершая извѣстный циклъ, мѣняя пастбища сообразно ихъ хозяйственному значенію. Иногда установленіе такого цикла происходило лишь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Повидимому, уже въ первое время между киргизами разныхъ родовыхъ вѣтвей происходили стычки изъ-за земли, хотя о тѣснотѣ не могло быть и рѣчи, при чемъ слабые роды уступали сильнымъ. Давленіе со стороны сильныхъ, а также необходимость защищать свои стада отъ звѣря и человѣка, побуждали собираться въ болѣе крупныя группы. Въ концѣ-концовъ произошло то, что территорія распредѣлилась довольно правильно между различными киргизскими родами, какъ крупными, такъ и мелкими.

Но хотя киргизы стремились объединяться въ болѣе или менѣе крупныя родовыя группы, это вовсе еще не значило, что внутри этихъ группъ все шло, какъ по маслу, безъ всякаго тренія въ области землепользованія. Такъ дѣйствительно было, пока не было нужды замѣчать, что есть лучшія и худшія пастбища. Но какъ только явилась необходимость занимать и худшія мѣста, начались и стычки, получили реальное значеніе слова—„моя земля“. Явилась необходимость обосновать свое право, закрѣпить его. Обозначилось право перваго захвата: „мы первые заняли эти мѣста и вбили здѣсь свой колъ“—говорила одна группа изъ Омскаго уѣзда; это нашъ „джуртъ“, говорятъ устькаменогорцы, или „это нашъ конь“ *), говорятъ атбасарцы, желая доказать свое право на занятую землю. Весьма понятно, что въ первое время захватъ касался наиболѣе цѣнныхъ для киргизъ пастбищъ, т. е. зимнихъ, а такъ какъ лучшія, зимнія пастбища были расположены въ горахъ, то эти послѣднія и стали предметомъ особыхъ исканій со стороны киргизъ. Весьма не рѣдко, впрочемъ, право перваго захвата должно было пасовать передъ правомъ сильного, и никакія доказательства не могли помочь слабѣйшимъ удержать ихъ земли. Въ равнинныхъ районахъ, гдѣ зимняя пастьба мелкаго скота

*) Джуртъ — мѣсто стоянки; конь — пометъ скота, накопившійся за время стоянки.

невозможна, и гдѣ, стало быть, на первый планъ, по своему значенію для киргизъ выступаютъ покосы,—предметомъ захвата служили и служатъ эти послѣдніе. Здѣсь первые засельщики устраиваются около лучшихъ покосовъ, представляя позднѣйшимъ пришельцамъ худшія мѣста. Словомъ, происходитъ то же, что и въ горахъ.

Въ первое время при устройствѣ на тѣхъ или иныхъ мѣстахъ право заявляется лишь на стоянку—„конъ“, „джуртъ“ и т. п.; ни о какихъ границахъ захваченной территоріи нѣтъ и помину. Новый пришелецъ становится со своимъ скотомъ на такомъ разстояніи отъ перваго, чтобы не было стѣсненія въ пастбищѣ. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивается населеніе и растутъ стада, начинаетъ ощущаться тѣснота, является необходимость установить свое право не только на стоянку, но и на окружающія земли. Сосѣди условливаются въ границахъ, которыя сначала представляютъ лишь направленіе—*нобай* или *джоба*, какъ говорятъ киргизы. Далѣе начинаютъ устанавливаться пограничные признаки, на первыхъ порахъ очень неопредѣленные (см. выше стр. 8), цѣлыя урочища, на которыхъ скотъ смежныхъ группъ пасется совмѣстно, затѣмъ пограничные признаки пріобрѣтаютъ все болѣе опредѣленный характеръ до ямокъ и пирамидокъ изъ камня включительно. Въ горныхъ районахъ такому обособленію подвергаются прежде всего цѣнныя зимнія пастбища (*соны-джеръ*, *корыкъ*, *кой-джеръ* и т. д.), въ равнинахъ—покосы. Дальнѣйшій процессъ заключается въ томъ, что все болѣе мелкія группы стремятся обособить свое землепользованіе, и въ горныхъ районахъ дѣло доходитъ до раздѣла земель, прилегающихъ къ зимней стоянкѣ аула между отдѣльными хозяевами. Въ равнинахъ такому раздѣлу пастбища не подвергаются въ силу того, что они не имѣютъ такой цѣнности, такого значенія, какъ въ горахъ.

V.

Итакъ, сущность процесса эволюціи формъ киргизскаго землепользованія состоитъ въ послѣдовательномъ обособленіи земель (мѣстами пастбищъ, мѣстами лишь покосовъ) въ пользованіе все болѣе мелкихъ группъ, до отдѣльныхъ хозяевъ включительно, и до закрѣпленія за ними этихъ земель

на правѣ частной собственности во всемъ его объемѣ, т. е. до отчужденія земли включительно *). Сдѣлки этого рода весьма своеобразны и интересны, и я остановлюсь нѣсколько на нихъ. Онѣ носятъ различный характеръ. Иногда это нѣчто въ родѣ аренды,—уступка земли однимъ другому во временное пользованіе за извѣстную плату, или лучше сказать, обмѣнъ, при которомъ одинъ даетъ землю, а другой—деньги, чаще скотъ и по истеченіи договореннаго срока происходитъ возвратъ однимъ земли, а другимъ полученнаго имущества полностью. Одинъ изъ договаривающихся пользуется за это время плодами земли, а другой—тѣмъ, что приносить скотъ, т. е. молокомъ, шерстью, приплодомъ, рабочею силою, или процентами съ денегъ, и когда договоренный срокъ истекаетъ, каждый вступаетъ въ обладаніе своимъ имуществомъ. Этого рода сдѣлки, конечно, ни мало не напоминаютъ того, что мы понимаемъ подъ актомъ купли-продажи; это даже и не аренда, ибо при арендѣ плата, получаемая арендодателемъ; въ формѣ ли денегъ или натурой (часть урожая, отработокъ), не возвращается по окончаніи срока, а остается у собственника земли. Но киргизы знаютъ и иныя формы сдѣлокъ подобнаго рода, когда по истеченіи срока сдѣлки хозяинъ земли уже не возвращаетъ платы. Затѣмъ наблюдаются среди нихъ сдѣлки, имѣющія характеръ купли-продажи со всѣми признаками, свойственными этому акту **).

*) Оговоримся, что это лишь въ предѣлахъ обычно-правовыхъ отношеній; въ юридическомъ смыслѣ за киргизами признано лишь право владѣнія и пользованія землею, и сдѣлки по продажѣ земли не могутъ быть оформлены подлежащими учрежденіями.

**) Интересно отмѣтить, что иногда всѣ эти виды сдѣлокъ имѣютъ мѣсто въ одной и той же общинѣ. Такъ, въ Чаганской волости Семипалатинскаго уѣзда отмѣчены слѣдующія сдѣлки въ общинѣ, значащейся подъ № 244: 1) 12 лѣтъ тому назадъ одинъ хозяинъ аула № 26 Оспанъ Есполь ушелъ на Иртышъ, а свою зимовку сдалъ въ аренду киргизамъ аула № 1 срокомъ на 25 лѣтъ за 40 овецъ, кобылу и 18 рублей деньгами; въ актѣ сказано, что хозяинъ зимовки можетъ получить обратно свою землю черезъ 25 лѣтъ, если возвратитъ арендатору скотъ и деньги безъ уплаты %; 2) въ томъ же аулѣ одну изъ зимовокъ (т. е. право на землю) арендуетъ семипалатинскій мѣщанинъ за плату въ 20 р. въ годъ, съ правомъ держать 200 овецъ, 14 верблюдовъ и 10 коровъ; 3) трое хозяевъ изъ аула № 23 не имѣютъ земли, а пользуются за плату повинностей землею троиухъ отсутствующихъ хозяевъ, которые имѣютъ одинаковое право на землю съ наличными хозяевами; 4) аулъ № 1 изъ 7

Сдѣлокъ подобнаго рода отмѣчено статистиками экспедиціи довольно много, особенно въ Семипалатинскомъ уѣздѣ, но даже въ этомъ уѣздѣ все же верховное право на землю въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ и даже не ауламъ, а земельно-родовымъ общинамъ. Община разрѣшаетъ вопросы, возникающіе по поводу земли между ея членами, ей принадлежитъ послѣднее слово во всѣхъ сдѣлкахъ, она рѣшаетъ, сдать или не сдать часть земли другимъ, она рѣшаетъ, вопросы о надѣленіи землею образовавшихся вновь хозяйствъ, о раздѣлѣ покосовъ, о приѣмѣ въ свою среду постороннихъ хозяевъ на время или навсегда. Она же регулируетъ пользованіе призимовочными пастбищами своихъ членовъ, т. е. наблюдаетъ, чтобы уходъ съ кстау и возвращеніе на него происходили въ опредѣленномъ порядкѣ, чтобы никто не оставался на кстау дольше и не возвращался бы на него раньше другихъ. Конечно, не рѣдко наблюдается, что богатый, вліятельный киргизъ является полновластнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ, всѣхъ вопросовъ общины; но здѣсь мы имѣемъ дѣло едва ли не съ уклоненіемъ отъ нормы обычнаго права киргизъ, являющимся въ результатѣ столкновенія этого права съ новыми условіями вообще, и въ покровительствѣ со стороны мѣстной администраціи различнаго рода незаконнымъ дѣлишкамъ, разъ это приносить ей извѣстныя реальныя блага.

Нѣсколько выше я сказалъ, что эволюція формъ землепользованія завершается обособленіемъ земли въ частную собственность. Если въ общемъ это и такъ, то въ частныхъ случаяхъ встрѣчается нарушеніе этого правила. По цѣлому ряду общинъ въ Павлодарскомъ, Каркаралинскомъ, Зайсанскомъ, Семипалатинскомъ уѣздахъ имѣются указанія, что пользованіе пастбищными угодьями отъ раздѣльнаго перешло

старшинства купилъ свою зимовку у киргиза изъ аула № 29, за что заплатилъ 75 барановъ; въ актѣ сказано, что купленная земля «досталась покупателю отъ предковъ». Въ этой послѣдней сдѣлкѣ очень характерно стремленіе замаскировать сдѣлку ссылкой на полученіе земли по наслѣдству, вызванное, быть можетъ, тѣмъ, что по степному положенію киргизы не могутъ продавать земли, а можетъ быть, и тѣмъ, что полученіе земли по наслѣдству по ихъ обычному праву является большей гарантіей, чѣмъ покупка, въ случаѣ возникновенія спора.

къ совмѣстному—„тѣсно стало, дѣлать нельзя было, скота негдѣ было держать“—объясняютъ киргизы этотъ фактъ.

Весьма вѣроятно, что въ однихъ случаяхъ уничтоженіе границъ происходило подъ давленіемъ многоскотныхъ хозяевъ, которымъ не выгодно было платить бѣднякамъ за пользованія изъ землями. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, это случалось подъ давленіемъ малоземельныхъ, потребовавшихъ поравненія. Во всякомъ случаѣ, фактъ остается фактомъ, и значеніе его въ томъ, что за общиной осталось послѣднее слово въ земельныхъ распорядахъ.

Теперь, полагаю, можно остановиться на вопросѣ, правильно ли статистики экспедиціи, а за ними и мы въ этой статьѣ, опредѣляли киргизскую земельно-родовую группу, какъ земельную общину?

Отличительными признаками земельной общины является совмѣстное нераздѣльное владѣніе нѣкоторой территоріей на уравнительномъ началѣ, или, болѣе обще, на началахъ взаимнаго соглашенія. Могутъ ли только что разсмотрѣнные порядки быть подведены подъ это опредѣленіе? Мнѣ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ—утвердительный. Что касается перваго признака—общности владѣнія, то разсматриваемая по отношенію къ нему киргизскія земельно-родовыя группы представляютъ, въ сущности, сложную общину, имѣющую много схожаго съ сложной сибирской общиной. Какъ эта послѣдняя, будучи связана общностью владѣнія извѣстной территоріей, представляетъ въ своихъ внутреннихъ поземельныхъ отношеніяхъ самыя разнообразныя комбинаціи, такъ и киргизское землепользованіе можетъ быть разсматриваемо, какъ сложная община, или какъ рядъ сложныхъ общинъ, объединенныхъ общимъ владѣніемъ такими угодьями, какъ лѣтовки, на которыхъ въ иныхъ случаяхъ, сходится населеніе всего уѣзда и даже нѣсколькихъ уѣздовъ. Стремленіе обособить ту или иную часть территоріи въ свою личную собственность, закрѣпляя ее за собой путемъ купчаго акта, наблюдаемое по мѣстамъ, не можетъ опровергнуть сказаннаго, во 1-хъ потому, что акты подобнаго рода весьма рѣдки, а во 2-хъ, неизвѣстно еще, какъ отнесется киргизское общество къ актамъ подобнаго рода, если бы возникъ вопросъ объ ихъ дѣйствительности, и не наложило ли бы оно, опираясь на свое обычное право, veto на частное право от-

дѣльныхъ лицъ, созданное этими актами. Второй признакъ—пользованіе согласно взаимнаго договора, несомнѣнно, при-сущъ разсматриваемымъ формамъ. Въ этомъ отношеніи право общины настолько велико, что она рѣшаетъ даже переходъ отъ раздѣльнаго пользованія призовочными пастбищами къ совмѣстному, что мы видѣли въ рядѣ общинъ Павлодарскаго, Каркаралинскаго и др. уѣздовъ.

Л. Чермакъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отвергнутый проектъ ускоренія и заселенія Приамурья.

Въ маѣ настоящаго года въ г. Никольскѣ-Уссурийскомъ состоялось совѣщаніе изъ податныхъ инспекторовъ, крестьянскихъ начальниковъ и чиновъ переселенческой администраціи подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатой для выработки программы обслѣдованія земельныхъ угодій, въ виду проектируемаго введенія въ области оброчной и поземельной податей. Въ настоящее время напечатанъ журналъ совѣщанія и имѣется въ нашемъ распоряженіи. Журналъ заслуживаетъ вниманія по внесенному въ совѣщаніе помощникомъ завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ въ Приморской области, нынѣ завѣдывающимъ переселенческимъ дѣломъ г. Савинскимъ, проекту принужденія крестьянскаго населенія посредствомъ податнаго обложенія къ исключительно земледѣльческому труду съ эксплуатаціей земельныхъ угодій безъ содѣйствія иностранныхъ рабочихъ—китайцевъ и корейцевъ.

Г. Савинскій энергичными мазками набросалъ картину хищническаго хозяйства крестьянскаго населенія.

„Предоставленіе въ прежнее время переселенцамъ, говорилъ г. Савинскій, какъ значитъ въ журналѣ совѣщанія, громадныхъ и цѣнныхъ надѣловъ *), при отсутствіи даже маленькаго контроля за послѣдующей ихъ судьбой и при полной свободѣ выбора способовъ эксплуатаціи создало въ краѣ весьма неблагоприятныя и вредныя послѣдствія, не

*) До 1901 г. переселенцамъ отводилось по 100 дес. удобн. земли на семью.

№№ 41—42. Вопросы

23 ноября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ выходятъ **ежене-
дѣльно** въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Новыя мѣропріятія переселенческаго управ-
ленія *Депута.*
II. Формы киргизскаго землепользованія (Про-
долженіе). *Л. Чермака.*
III. Земско-переселенческій трестъ *М. Ч.*
IV. Поѣздка въ Чугучакъ *Н—на.*
V. Горе бѣлагоачскихъ старожиловъ.
VI. Къ слухамъ о намѣстничествѣ *Р.*
VII. Сибирскія письма Селентинскъ (Тяжелыя условія аренды ,
рыбныхъ промысловъ).
VIII. Вопросъ о сибирскомъ земствѣ въ Госуд. Думѣ.
IX. Сибирскіе депутаты въ Госуд. Думѣ.
X. Сибирскіе вопросы въ думскихъ комиссіяхъ.
XI. У сибирскихъ депутатовъ.
XII. Изъ портфелей сибирскихъ депутатовъ.
XIII. Касающіеся Сибири новыя правительствен. законопроекты.
XIV. Хроника.
XV. Русская жизнь.
XVI. Иностранная жизнь.
XVII. Библіографія.
XVIII. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1908.

хозяйства, при ихъ хищнической культурѣ, при полной неудовлетворительности организациі агрономической помощи переселенцамъ, мы, такимъ образомъ, создадимъ и на сибирскомъ просторѣ тотъ же кризисъ крестьянскаго хозяйства, отъ котораго сейчасъ страдаетъ вся Европейская Россія. Истощеніе переселенческихъ надѣловъ въ степяхъ Акмолинской области, выпаживаніе ихъ въ теченіе какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ—призракъ достаточно внушительный, чтобы заставить задуматься и воздержаться отъ опасныхъ экспериментовъ съ уменьшеніемъ переселенческихъ надѣловъ. Мы надѣемся, что думская комиссія по переселенческому надѣлу обратитъ свое вниманіе на такой способъ устройства переселенцевъ и положить ему предѣлъ.

Депутатъ.

ФОРМЫ КИРГИЗСКАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ.

(Продолженіе. См. № 23—24).

VI.

Разсмотрѣвъ формы пользованія землею киргизами степныхъ областей, намѣтивъ въ общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ шло развитіе ихъ, мнѣ бы хотѣлось еще остановиться нѣсколько на вопросѣ о томъ, насколько осуществимо обобществленіе киргизскихъ земель въ настоящее время, — безотносительно, конечно, къ общимъ условіямъ русской жизни, — насколько принципы его находятся въ согласіи съ обычно-правовыми воззрѣніями киргизъ на землю. Но предварительно я долженъ пояснить, что подъ обобществленіемъ земли я понимаю такую форму поземельныхъ отношеній, когда отсутствуетъ право частной собственности на землю, а остается лишь право пользованія землею, предоставленное каждому правомочному члену общества и регулируемое особыми органами въ лицѣ избранныхъ мѣстныхъ и центральныхъ учреждений.

Нужно ли, однако, понимать равное право cadaго на землю, въ томъ смыслѣ, что на всемъ громадномъ пространствѣ Россіи „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“ будетъ установлена одна норма надѣла,

по которой и будет отводиться земля тамъ, гдѣ окажутся излишки? Конечно нѣтъ, и нелѣпость такого положенія ясно выступить, если мы представимъ себѣ десятину пашни, скажемъ, хотя въ Петербургской губ., ту же десятину въ Воронежской губ. и десятину виноградника гдѣ-нибудь въ Крыму или на Кавказѣ. Но помимо условій чисто-естественнаго характера, зависящихъ отъ географическаго положенія мѣстности, ея климата, состоянія поверхности и т. п., на нормы надѣленія должны имѣть еще громадное вліяніе экономическія и хозяйственныя условія. Вліяніе первыхъ достаточно ясно: подъ Петербургомъ или Москвою десятина холоднаго, неплодороднаго суглинка подъ огородной культурой можетъ стоять многихъ десятинъ не только такихъ же суглинковъ тѣхъ же широтъ, но отдаленныхъ отъ столицъ, но и плодородныхъ черноземовъ юга. Равнымъ образомъ, проведеніе желѣзнодорожной линіи сразу повышаетъ цѣнность земель, приближая ихъ къ рынку и т. д. Вліяніе хозяйственныхъ условій не столь ясно, и на этомъ мнѣ придется нѣсколько остановиться. Возьму грубый примѣръ. Въ степныхъ областяхъ статистиками опредѣлены земельныя нормы въ 150 до 300 и больше десятинъ на одно киргизское хозяйство, въ то время какъ переселенческій надѣлъ опредѣленъ въ 15 дес., а въ иныхъ случаяхъ и меньше, на мужскую душу, т. е., примѣрно, въ 40—50 десятинъ на хозяйство, или втрое меньше, чѣмъ у киргизъ. Почему же это? Почему, съ одной стороны, нарѣзаютъ чуть-ли не помѣщичьи участки, а съ другой даютъ крестьянскій надѣлъ? Справедливо ли это, и не придется ли при обобществленіи земли осуществить количественное поравненіе ея? Мнѣ думается, что такого поравненія отнюдь дѣлать не придется по той простой причинѣ, что между кочевымъ скотоводческимъ хозяйствомъ киргизъ и осѣдымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ переселенцевъ лежитъ слишкомъ глубокая разниа, и что если бы это сдѣлать, то этимъ самымъ былъ бы поставленъ крестъ надъ хозяйствомъ киргизъ-кочевниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, киргизы изстари занимаются скотоводствомъ, они сроднились съ этимъ занятіемъ и, какъ мы видѣли выше, весь складъ ихъ жизни находится въ полнѣйшей зависимости отъ ихъ хозяйства, обусловленъ этимъ

послѣднимъ. Даже тамъ, гдѣ они осѣли и занимаются земледѣліемъ, они все же остаются преимущественно скотоводами, и скотоводство ихъ носитъ экстенсивный характеръ, рассчитано на возможно меньшую затрату труда *). Что же, спрашивается, пришлось бы имъ дѣлать, если бы землепользование ихъ было сокращено сразу вдвое, втрое и большее число разъ? Сокращать размѣры своего скотоводства?

Но вѣдь сказанныя нормы были рассчитаны на наименьшее количество скота, необходимаго для существованія киргизской семьи; сокращать скотоводство противъ этой нормы, значитъ—сознательно разрушать хозяйство киргизъ, значитъ—обречь ихъ на голодное прозябаніе, либо на отказъ отъ привычнаго имъ занятія. Приспособленіе къ новому строю хозяйства въ короткій срокъ можетъ быть удѣломъ лишь немногихъ счастливцевъ, для массы же необходимо для этого болѣе или менѣе долгій срокъ. Не слѣдуетъ забывать, что, не говоря уже о такой крупной ломкѣ, какъ переходъ отъ экстенсивнаго кочевого скотоводства къ чисто-земледѣльческому хозяйству, даже мелкія улучшенія въ хозяйствѣ, какъ, напримѣръ: введеніе усовершенствованныхъ орудій, машинъ, способовъ обработки почвы, растений и т. д., даются съ трудомъ и требуютъ много времени. Тѣмъ болѣе труденъ и дологъ переходъ для киргиза отъ первобытныхъ

*) Слѣдующая табличка достаточно ясно иллюстрируетъ это:

У Б З Д Ы.	По бюджетнымъ даннымъ приходится въ годъ дохода на ѣдока рублей отъ:			На 100 р. дох. отъ скотов.—дохода отъ земледѣлія.
	Скотоводства.	Земледѣлія.	ВСЕГО.	
Актюбинскій . . .	43,78	24,35	68,13	55,6
Кустанаискій . . .	57,15	10,44	67,59	18,9
Устькаменог. . . .	35,16	5,17	40,33	14,4
Зайсанскій	25,16	3,36	28,51	9,4
Семипалатинскій .	26	1,99	27,99	7,7
Акмолинскій	64,12	3,18	67,30	5
Каркаралинскій. .	43,61	1,88	45,49	4,3
Павлодарскій . . .	53,40	1,39	54,79	2,6
Атбасарскій	81,85	1,68	83,53	2,1
Кокчетавскій	49,82	0,92	50,74	1,8
Омскій	41,44	0,63	42,07	1,5
Петропавловскій .	47,99	0,54	48,53	1,1

формъ кочевого скотоводства къ осѣдлому земледѣльческому быту. Такой переходъ можетъ быть осуществленъ лишь постепенно, въ болѣе долгій срокъ, если предоставить все естественному ходу дѣла, и въ болѣе короткое время, если облегчить этотъ переходъ путемъ ряда соотвѣтствующихъ мѣропріятій.

Сказанное относится, конечно, не только къ хозяйству киргизъ. То же самое можно сказать относительно нѣкоторыхъ инородцевъ средней Азіи, Алтая, и, вѣроятно, болѣе восточныхъ мѣстностей Сибири, а также инородцевъ Кавказа и юга Россіи: туркменъ, калмыковъ, ногайцевъ Астраханской, Ставропольской и др. губ., ведущихъ совершенно иное хозяйство, чѣмъ ихъ сосѣди, русскіе крестьяне. И такъ, если не задаваться цѣлью однимъ росчеркомъ пера декретировать переходъ отъ одной хозяйственной формы къ другой для цѣлой народности, каковы бы ни были послѣдствія этой мѣры, то придется признать, что земельное поравненіе должно и можетъ быть достигаемо только лишь въ предѣлахъ одной хозяйственной формы, и что нивелировать землепользованіе при такихъ различныхъ хозяйственныхъ формахъ, какъ кочевое скотоводство и осѣдлое земледѣліе, невозможно *). Можетъ, пожалуй, быть сдѣлано такое возраженіе, что не проще ли дать временную поддержку киргизамъ деньгами, пока они не привыкнутъ къ новому строю хозяйства, не усвоятъ себѣ вполнѣ обстановки осѣдлаго земледѣльческаго быта, чѣмъ оставлять въ ихъ пользованіи обширныя территоріи, столь необходимыя въ цѣляхъ переселенія. Но это возраженіе не имѣетъ подъ собою почвы **).

Необходимо къ тому же сказать, что, въ сущности говоря, природныя условія Киргизскаго края таковы, что многіе рай-

*) Быть можетъ, денежная помощь и могла бы быть оказываема, напр., калмыкамъ Ставропольской губ., сидящимъ на большихъ надѣлахъ, почти не занимающимся лично хлѣбопашествомъ, а сдающимъ ихъ въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ, но прокармливать цѣлый 5-ти-миліонный киргизскій народъ, — не для чего и доказывать всю вздорность этого.

**) По отношенію къ цѣлому народу, какъ киргизы, необходимы, конечно, другія, органическія мѣры, — необходимъ переходный періодъ; только къ отдѣльнымъ не успѣвшимъ приспособиться семьямъ — значить, только въ исключительныхъ случаяхъ и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, возможенъ коррективъ въ видѣ прямой денежной помощи.

оны этой обширной территоріи надолго обречены служить исключительно пастбищнымъ цѣлямъ, вслѣдствіе полной непригодности ихъ для земледѣлія. Еще долгое время использование этихъ пространствъ будетъ возможнымъ только путемъ кочевого скотоводства, когда скотъ часть года проводить на нихъ, а остальное пасется и вообще прокармливается въ иныхъ районахъ съ болѣе богатой растительностью.

При этомъ условіи поравненіе во что бы то ни стало, независимо отъ системы хозяйства, независимо отъ возможности использовать эти земли иначе какъ путемъ кочевого скотоводства, поравненіе это обратило бы населенныя нынѣ пространства въ пустыню, чѣмъ принесло бы существенный вредъ не только киргизамъ, но и всему краю.

Какимъ же путемъ можетъ быть осуществлено обобществленіе киргизскихъ земель и прежде всего осуществимо ли оно вообще?

До сихъ поръ еще, не смотря на довольно замѣтную тенденцію среди киргизъ къ обособленію землепользованія, верховнымъ хозяиномъ земли является родовая община, подъ давленіемъ которой происходитъ отъ времени до времени поравненіе землепользованія, то въ области наиболѣе цѣнныхъ пастбищныхъ угодій, то сѣнокосовъ. Насколько велика власть такой родовой общины, видно изъ того, что въ иныхъ случаяхъ она декретируетъ переходъ отъ раздѣльнаго пользованія призимовочными пастбищами къ совмѣстному, декретируетъ уничтоженіе границъ внутри общины между аулами и между отдѣльными хозяйствами. Въ другихъ случаяхъ община настаиваетъ на передѣлѣ покосныхъ долей, и подъ ея вліяніемъ осуществляется извѣстное поравненіе ихъ. Извѣстны, далѣе, случаи, когда въ тяжелые годы зимней безкормицы, когда стадамъ извѣстнаго района грозитъ голодный падежъ, эти стада отгоняются въ благополучныя мѣстности къ сородичамъ и выпасываются тамъ безъ уплаты какого бы то не было вознагражденія. Какъ бы ни смотрѣть на поземельныя отношенія киргизъ, какъ бы ни признавать ихъ примитивными, не сложившимся, фактъ остается фактомъ, и преобладающее значеніе въ земельныхъ распоряженіяхъ остается за обществомъ, а не за отдѣльными лицами. Извѣстно, правда, не мало случаевъ, когда вліяніе отдѣль-

ныхъ лицъ оказывается сильнѣе общества, но это относится уже къ области правонарушеній, къ области злоупотребленій своимъ правомъ сильного, богатаго. Пишущему эти строки не разъ приходилось выслушивать жалобы бѣдняковъ-киргизъ на злоупотребленія со стороны сильныхъ богачей, накладывавшихъ свою руку на общее достояніе. Мы не знаемъ, какъ было въ далекую старину, когда родовой бытъ былъ въ полной силѣ, но нужно думать, что процессъ разслоенія киргизской массы на богачей и бѣдняковъ особенно усилился за послѣднее время, а рядомъ съ этимъ процессомъ усилилось стремленіе со стороны богачей заполучить лучшія земли въ свое исключительное пользованіе. И стремленіе это выражается въ разныхъ случаяхъ различно: иногда богачи настаиваютъ на обособленномъ пользованіи той или иной территоріей; это въ тѣхъ случаяхъ, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ у нихъ въ рукахъ находятся земли, которыми они дорожатъ, иногда же они настаиваютъ на совмѣстномъ использованіи земли, требуя себѣ столько, чтобы скотъ былъ обезпеченъ и пастбищами, и сѣномъ. „Я больше плачу, мнѣ и земли надо больше“, резюмируетъ богачъ свое право и на этомъ правѣ, уплачивая налоговъ, положимъ, впятеро больше бѣднаго *), занимаетъ земли въ двадцать разъ больше этого послѣдняго.

Здѣсь мнѣ придется сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Съ того времени какъ переселеніе стало поощряться правительствомъ, и переселенцы широкой волной хлынули въ свободныя киргизскія степи, киргизы начинаютъ возбуждать ходатайства о приостановленіи и даже о совершенномъ прекращеніи переселенія, ибо оно грозитъ полнымъ разореніемъ киргизскому народу, стѣсняя его кочевую жизнь. Въ это же время было, кажется, впервые произнесено: „киргизскія степи — для киргизъ“. Не входя въ разсмотрѣніе, насколько переселеніе разоряетъ киргизъ, а также насколько допустимо, чтобы киргизскія степи были только для киргизъ, Уральская или Донская область только для уральскихъ, или донскихъ козаковъ и т. д.,—я позволю себѣ выразить сомнѣніе, чтобы этотъ лозунгъ былъ сознательнымъ

*) Въ сущности, тутъ вездѣ нужно понимать малоскотные и много-скотные хозяйства.

лозунгомъ всего киргизскаго народа. Это — лозунгъ, главнымъ образомъ, богатыхъ людей, которымъ, конечно, не хотѣлось бы, во 1-хъ, стѣснять свои тысячныя стада, а во вторыхъ, пускать въ степь новый элементъ въ лицѣ переселенцевъ, которые даже при существующихъ условіяхъ нашей общественной жизни могутъ внести разложеніе въ архаическіе устои киргизскаго быта, поддерживаемые мѣстными властями, что также на руку богачамъ, спекулирующимъ на темнотѣ и безправіи массъ. Среднему киргизу право собственности на землю не знакомо, чуждо; ему нужно право пользованія, а въ настоящее время имѣется довольно значительное число ихъ, потерявшихъ это право, не смотря на весь необъятный просторъ степей.

И можно съ увѣренностью сказать, что объявленіе всей земли достояніемъ всего народа не встрѣтитъ возраженій въ киргизской массѣ, тѣмъ болѣе, что и теперь киргизы свыклись съ мыслью, что земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, принадлежать не имъ, а государству, — и введеніе уравнительнаго начала, т. е. какъ разъ того, чего не хватаетъ теперь, будетъ встрѣчено сочувственно массой безземельныхъ и малоземельныхъ *). Богачи, имѣющіе большія стада, конечно, будутъ противъ поравненія, но вѣдь иного и ожидать было нельзя: идеологія богачей киргизъ ничѣмъ не отличается отъ идеологіи богачей иныхъ національностей, и, ратуя за „интересы народа“, они, разумѣется, прежде всего понимаютъ свои интересы. Самое родовое право использовано ими къ ихъ личнымъ выгодамъ и поддерживается ими только потому, что оно даетъ имъ возможность наложить лишніе путы на „свой народъ“.

Л. Чермакъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Насколько неравномѣрно распредѣлена земля между киргизами, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Число общинъ, имѣющ. на муж. д. десятинъ:

У ѣ з д ы	до 15;	16—25;	26—50;	бол. 50
Актюбинскій	—	4	25	103
Омскій	1	2	15	119

30 ноября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ выходятъ еженедѣльно въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Новый землеустроительный опытъ въ Сибири К.
II. Формы киргизскаго землепользованія (Окончаніе). Л. Чермака.
III. Сибирь и третья Дума. Л.
IV. Переселенческій „рай“ въ Туринскомъ у. И. Печальника
V. Незаконность сверху. N.
VI. Еще нѣсколько словъ о послѣднихъ циркулярахъ по переселенческому дѣлу Депутата.
VII. Дутыя свѣдѣнія и грандіозные проекты. Э. II.
VIII. Убогая аргументація двухъ министерствъ R.
IX. Томское совѣщаніе о желѣзнодорожной сѣти. Н. Некрасова.
X. Сибирскія письма: (Томскъ. Вновь избранные депутаты въ Госуд. Думу.—Музыкальная авантюра).
XI. Въ Таврическомъ дворцѣ (Обзоръ думской работы). Депутата.
XII. Сибирскіе депутаты въ Государственной Думѣ.
XIII. Принятіе Гос. Думой законопроекта о закрытіи приамурскаго порто-франко.
XIV. Хроника.
XV. Русская жизнь.
XVI. Иностранная жизнь.
XVII. Биб.іографія.
XVIII. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1908.

нѣтъ препятствій ни въ существующихъ законахъ, ни въ обычаяхъ.

На другихъ чертахъ новаго проекта остановимся въ другой разъ. Отмѣтимъ только, что проектируется, исходя изъ существующаго пользованія, отводить не свыше 15 дес. на душу *безъ* особыхъ отводимыхъ ранѣ *лѣсныхъ надѣловъ*; отводы казенныхъ и кабинетныхъ *оброчныхъ статей*, допустимые по существующимъ законамъ, проектомъ не предусматрѣны. Нѣтъ указаній на обязательное сохраненіе „постоянныхъ угодій“, чѣмъ вводится значительный произволъ при отводахъ. Неудобными землями считаются непригодныя *къ сел.-хоз. пользованію*; поѣтому, по проекту, земля съ каменистой почвой очень плохого качества, гдѣ можетъ быть по-временамъ, напр., весной очень плохой выгонъ, является все-таки удобной, какъ годная „для пользованія“; по существующему же закону (если бы его не измѣняли инструкціями) такая земля, какъ *непригодная „къ воздѣлыванію“*, являлась неудобной или, опять-таки по одной изъ инструкцій,—малоудобной, такъ что, напр., $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ зачислялись въ неудобную площадь. Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ новый проектъ всячески стремится сузить права старожиловъ, чтобы на используемыхъ ими земляхъ, даже на тѣхъ, гдѣ на обработку вложенъ трудъ (постоянныя угодья, напр., расчищенные изъ-подъ лѣса пашни), поселить новыхъ лицъ.

К.

Формы киргизскаго землепользованія.

(Окончаніе. См. № 41—42).

Теперь является вопросъ, какъ же осуществить земельное поравненіе, какъ, кому и въ какомъ количествѣ должно быть предоставлено право пользованія землею? Прежде всего, право пользованія должно быть предоставлено каждому киргизу, желающему вести хозяйство, но отнюдь не спекулянтамъ, берущимъ землю ради передачи ея другому. Земля могла бы быть отводима и отдѣльнымъ лицамъ, и коллективнымъ единицамъ, но, по всей вѣроятности, преобладающей формой землепользованія будетъ именно объ-

щинное и притомъ родовое. Въ настоящее время земельных общинъ, состоящихъ даже изъ одного аула, не говоря уже объ одномъ хозяйствѣ, весьма немного, громадное же большинство ихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ ауловъ и хозяйствъ *). За рѣдкимъ исключеніемъ, богачи стремятся захватить въ свое пользованіе обособленную территорію, ибо имъ тѣсно рядомъ съ другими, родовые же киргизы предпочитаютъ пользоваться землею сообща съ другими, что для нихъ представляетъ извѣстные преимущества.

*) Число общинъ, имѣющ. на муж. д. десятинъ:

У ѣ з д ы:	до 15;	16—25;	26—50;	бол. 50
Устькаменогор.	13	31	83	99
Зайсанскій	68	54	138	211
Павлодар. горн. районъ	29	45	109	121

Т о ж е в ѣ %

Актюбинскій	0	3	19	78
Омскій	0,7	1,3	11	87
Устькаменогор.	6	14	36	44
Зайсанскій	15	11	29	45
Павлодар. гор. р.	9	15	36	40

Здѣсь, конечно, дѣло идетъ о земляхъ обособленнаго пользованія. Оказывается, что въ Зайсанскомъ уѣздѣ цѣлыхъ 15% общинъ имѣютъ земли на душу не свыше 15 дес., т. е. указнаго крестьянскаго надѣла, а въ горной части Павлодарскаго уѣзда почти 10%, въ этихъ 2-хъ уѣздахъ около 25% общинъ имѣютъ не свыше 50 десятинъ на душу. Между прочимъ, въ этихъ цифрахъ сказывается разница между равнинными уѣздами, какъ Актюбинскій, или Омскій, и горными,—въ послѣднихъ землевладѣніе болѣе дробное, чѣмъ въ первыхъ. Что касается распределенія земли внутри общины, то его можно учесть лишь косвеннымъ путемъ, по количеству скота, принадлежащаго отдѣльнымъ хозяевамъ. Подобная группировка сдѣлана статистиками и, проглядывая таблицы „Матеріаловъ“, мы увидимъ, что составъ общинъ какъ бы нарочито неравномѣрный—рядомъ съ богачами, имѣющими сотни и тысячи головъ скота, имѣются бѣдняки съ 1 лошадыю, а то и вовсе безъ лошадей и съ нѣкоторымъ количествомъ прочаго скота: обращу еще вниманіе на то, что весьма часто въ общинахъ проживаютъ „сторонніе“, т. е. въ сущности безземельные, припущенники, которые пользуются землею общины только съ разрѣшенія. Оговорюсь, что безземельными аулы являются лишь по отношенію къ пастбищамъ обособленнаго пользованія, на общія же пастбища они имѣютъ равное съ прочими право.

Количество земли, предоставленное въ пользованіе извѣстныхъ лицъ или группъ, должно быть рассчитано соответственно опредѣленнымъ для каждаго района нормамъ на каждое хозяйство, соразмѣрно числу ѣдоковъ въ немъ. Нужно полагать, что въ виду уравнительности землепользованія, врядъ ли найдется большое число хозяевъ, желающихъ получить землю въ свое единичное пользованіе. Гораздо вѣроятнѣе, что группировка останется та же, что и теперь, т. е. родовая, и мнѣ думается, что поддерживать родовую общину не слѣдуетъ, а необходимо лишь дать ей возможность превратиться въ свободный союзъ. Что касается уравнительности землепользованія между отдѣльными хозяйствами, то она будетъ достигаться предоставленіемъ права держать скотъ не больше, чѣмъ полагается по нормѣ. Всякіе излишки скота противъ нормы подлежатъ прогрессивному обложенію въ пользу общины, поскольку скотъ пользуется ея территоріей, и въ пользу болѣе широкихъ группъ

**) Вотъ нѣсколько цифръ:

Общины, состоящія изъ:

У ѣ з д ы:	Общины, состоящія изъ:							
	1 хоз.	2—10 хоз.	11—25 хоз.	св. 25	1 аул.	2 аул.	3—5.	св. 5 аул.
Актюбинскій	—	3	9	120	5	7	26	94
Омскій	1	24	49	63	37	22	47	31
Устькаменогор.	—	36	40	149	32	21	53	118
Зайсанскій	17	166	93	195	163	52	89	167
Павлод. гор. районъ. . .	3	123	96	82	114	45	93	52
Т о ж е в ъ %.								
Актюбинскій	0	2	7	91	4	5	20	71
Омскій	1	17	36	46	27	16	34	23
Устькаменогорскій . . .	0	16	18	66	15	9	24	52
Зайсанскій	4	35	20	41	35	11	19	33
Павлод. горн. районъ . .	1	40	32	27	37	15	31	17

Какъ видимъ, во всѣхъ этихъ уѣздахъ, какъ равниннаго характера, такъ и гористыхъ, менѣе половины общинъ состоятъ менѣе, чѣмъ изъ 10 хозяйствъ и больше половины имѣютъ въ своемъ составѣ болѣе одного аула. Рѣзко различаются въ этомъ отношеніи равнинные и горные уѣзды—въ первыхъ преобладаютъ крупныя общины, въ послѣднихъ мелкія.

если дѣло идетъ о площадяхъ общаго пользованія. Уравни-тельность землепользованія между отдѣльными группами въ дальнѣйшемъ, можетъ быть достигаема или расселеніемъ въ предѣлахъ рода, или переселеніемъ на незанятые площади, или путемъ прогрессивнаго обложенія общинъ многоземельныхъ, имѣющихъ, благодаря этому, излишки скота противъ нормы.

Земельныя нормы должны быть выработаны для разнообразныхъ въ естественномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ районовъ. Нормы должны быть разныхъ типовъ: исключительно скотоводческая тамъ, гдѣ населеніе вовсе не занимается земледѣліемъ, и скотоводческо-земледѣльческая для тѣхъ районовъ, гдѣ земледѣліе въ большей или меньшей степени сдѣлалось обычнымъ занятіемъ киргизъ. Скотоводческая норма должна выражать собою наименьшее количество пастбищныхъ, а гдѣ извѣстно сѣнокосеніе—и сѣнокосныхъ угодій, необходимое для прокормленія такого стада, которое окрывало бы потребительныя—въ широкомъ смыслѣ слова—нужды хозяйства. Говорить о трудовой нормѣ, примѣнительно только къ скотоводству, на мой взглядъ, не приходится, ибо никакихъ пространствъ не хватило бы по этому расчету*). Пастбищныя нормы должны быть исчислены какъ для площадей обособленнаго, такъ и общаго пользованія.

Земледѣльческо-скотоводческая, а мѣстами и чисто земледѣльческія нормы должны быть исчислены примѣнительно къ существующему уровню хозяйства; выдѣлть ихъ въ натурѣ необходимо производить въ согласіи съ установившимися обычаями. Это особенно необходимо въ виду того, что удобныя для пахоты земли расположены далеко неравномѣрно по всей территоріи степей, и сплошь и рядомъ на одной и той же территоріи расположены пашни киргизъ различныхъ вѣтвей, имѣющихъ свои зимовки за многіе десятки верстъ отъ пашень. Установленіе земельныхъ нормъ и проведеніе ихъ въ жизнь должно происходить

*) Вотъ грубый расчетъ для Омскаго уѣзда: 3 пастуха могутъ выпастить табунъ въ 1000 лошадей; въ уѣздѣ 10200 мужчинъ рабочаго возраста. Предполагая, что только половина ихъ будетъ пасти лошадей, пришлось бы отвести, при нормѣ въ 8 дес. на лошадь въ годъ свыше 12 милліоновъ десятинъ только для лошадей, тогда какъ площадь уѣзда не превышаетъ 4½ милліоновъ десятинъ.

при ближайшемъ участіи органовъ мѣстнаго самоуправленія. Эти же органы обязаны вѣдать всѣ вообще земельныя дѣла, рѣшеніе коихъ въ случаяхъ, особенно спорныхъ и сложныхъ, должно передаваться въ слѣдующія инстанціи. Между прочимъ, на этихъ органахъ должно лежать удовлетвореніе требованія земли со стороны той многотысячной массы безземельныхъ, которые въ настоящее время живутъ на казачьихъ, крестьянскихъ, кабинетскихъ и казенныхъ (Томской и Тобольской губ.) земляхъ на арендныхъ началахъ, но съ земельной реформой, несомнѣнно, хлынуть на свои старыя, дѣдовскія земли, что, между прочимъ, замѣчается и теперь.

При осуществленіи обобществленія земли встанетъ весьма важный вопросъ, какъ быть съ богачами-скотоводами, имѣющими стада въ сотни и тысячи головъ? Слѣдуетъ ли экспроприровать всѣ излишки скота сверхъ нормы, или найти другой выходъ? Я полагаю, что экспроприація скота въ глазахъ киргизъ явилась бы правонарушеніемъ, и прибѣгать къ этой мѣрѣ не слѣдовало бы. Существуетъ другой способъ болѣе мирнаго рѣшенія вопроса — это поставить многоскотныхъ киргизъ въ необходимость сократить размѣръ своихъ стадъ до уровня нормальнаго стада. Достигнуть этого можно было бы путемъ установленія прогрессивнаго налога на стада богачей за предоставленіе имъ права пользованія тѣми земельными излишками, которые остаются за надѣленіемъ. Налоги эти должны поступать въ общіе сборы по краю, за пользованіе занадѣльными землями и на нужды самихъ общинъ, за пользованіе землями общины, конечно, если у общинъ окажутся излишки. При опредѣленіи величины налога необходимо сохранить нѣкоторую постепенность, ибо слишкомъ высокое обложеніе принудитъ хозяевъ разомъ ликвидировать свое скотоводство, что будетъ весьма невыгоднымъ для края вообще, ибо при существующемъ многоземельи и невозможности использовать многія земли иначе, какъ для пастбы, обширныя пространства будутъ лежать впустѣ.

Землеустройство киргизъ необходимо производить съ расчетомъ, чтобы они могли развивать свое земледѣльческое хозяйство тамъ, гдѣ оно уже существуетъ, или начинать его, гдѣ оно возможно, но еще не привилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оставлять за киргизами, обращающи-

мися къ земледѣлію и переходящими къ осѣдлости, право на пастбища общаго пользованія, ибо лишеніе этого права, поставило бы ихъ въ менѣе благопріятныя условія сравнительно съ кочевниками. Врядъ ли нужно говорить, что на ряду съ этимъ необходимо принять цѣлый рядъ мѣръ культурно-просвѣтительнаго и хозяйственно-экономическаго характера, чтобы облегчить киргизамъ переходъ отъ ихъ первобытнаго хозяйства къ новымъ формамъ. Относительно лѣсовъ, находящихся на территоріи, занятой киргизами, я полагаю, что они, подобно тому какъ и вообще по всей Россіи, должны быть изъяты изъ частнаго пользованія отдѣльныхъ группъ населенія и должны составлять общее народное достояніе, эксплуатація котораго такъ же, какъ и нѣдръ, должна опредѣляться особыми положеніями.

Интересно прослѣдить, насколько желательно и осуществимо не обобществленіе киргизскихъ земель, а передача ихъ населенію въ полную собственность съ правомъ передачи любому желающему. Относительно послѣдняго врядъ ли могутъ быть сомнѣнія,—разъ будетъ изданъ законъ, которымъ земля передается въ собственность группамъ или отдѣльнымъ лицамъ, да еще на правахъ выкупа, — то киргизы скоро постигнутъ всю прелесть института частной собственности на землю, и мобилизація земельной собственности пойдетъ полнымъ ходомъ. Охотниковъ на эти земли найдется не мало и изъ мѣстныхъ, и изъ пришлыхъ особенно теперь, когда владѣльцы крупныхъ тонкорунныхъ стадъ поставлены въ необходимость или уничтожить свои стада, или уйти съ ними съ Кавказа и восточныхъ губерній, или дальше, на дешевыя земли Зауралья. Несомнѣнно, что скупкой земель займутся и богачи киргизы, которые скоро разберутъ (да, едва ли и теперь не разобрали), какую силу даетъ владѣніе землею. И конечно, вскорѣ появится масса обезземеленныхъ киргизъ, которымъ придется или брать землю у богачей на продиктованныхъ ими условіяхъ, аренды, или порвать съ землею и стать въ ряды пролетаріата.

Болѣе споренъ вопросъ, насколько это желательно. Я могу указать, что когда заходилъ вопросъ объ отводѣ земель въ предѣлахъ Степного края въ частную собственность, то почти всѣ мѣстныя общественныя учрежденія и даже

нѣкоторыя правительственныя, какъ мѣстныя, такъ и центральныя *) высказались противъ на томъ основаніи, что институтъ этотъ чуждъ Сибири и ввести его—значить, обречь населеніе Сибири на все то, что перенесло и переноситъ населеніе Европейской Россіи, благодаря ему. Матеріалы экспедиціи м-ва земледѣлія даютъ не мало примѣровъ того, какъ тяжело приходится киргизамъ на земляхъ тѣхъ немногочисленныхъ собственниковъ, которые создались въ Степномъ краѣ вслѣдствіи продажи офицерскихъ участковъ сибирскаго казачьяго войска въ частныя руки. Производство опыта насажденія частной собственности въ широкихъ размѣрахъ нежелательно еще и потому, что существованіе переселенческихъ поселковъ, получающихъ землю въ оброкъ, наглядно показываетъ, что даже такіе завзятые поклонники частной собственности, какъ нѣмцы-колонисты, или выходцы изъ Прибалтійскаго края, изъ малороссійскихъ губерній и друг., прекраснѣйшимъ образомъ мирятся съ тѣмъ, что земля принадлежитъ казнѣ и дается имъ лишь въ пользованіе. Нельзя, конечно, думать, что съ уничтоженіемъ права собственности на землю будутъ уничтожены всякія неправды въ сферѣ земельныхъ отношеній, но это будетъ уже правонарушенія, и весьма важно, чтобы населеніе знало, что такого рода дѣянія квалифицируются, какъ правонарушенія, и имѣло возможность бороться съ ними.

Быть можетъ, не лишне остановиться на взаимныхъ отношеніяхъ киргизъ и русскихъ переселенцевъ, и киргизъ и казаковъ. Весьма вѣроятно, что предоставленіе киргизамъ въ пользованіе большаго надѣла, чѣмъ русскимъ переселенцамъ, вызоветъ со стороны этихъ послѣднихъ такое же недовольство, какое замѣчается и теперь, когда переселенцы, жадные на землю, съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ, относятся къ „ордѣ, забравшей подъ себя само-лучшія

*) Въ результатѣ такого отношенія къ введенію частной собственности на землю въ степныхъ областяхъ, да кажется и всюду, гдѣ работаютъ партіи по отводу земель переселенцамъ,—до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного участка, занятаго частными владѣльцами, хотя просьбъ объ отводѣ ихъ подавалось не мало, а не безызвѣстный дворянинъ Павловъ, кажется, въ 1903 г. составилъ даже весьма соблазнительный проектъ о переселеніи за Уралъ—на первыхъ порахъ въ лучшій по почвѣ Актюбинскій уѣздъ—помѣщиковъ вмѣстѣ съ ихъ крестьянами, цѣлыми уѣздами.

земли“. Нѣкоторой компенсаціей могло бы служить предоставленіе переселенцамъ права на равное съ киргизами пользованіе пастбищами общаго пользованія въ томъ случаѣ, когда на нихъ имѣются излишки сверхъ необходимыхъ для киргизъ пространствъ. Послѣднее, конечно, необходимо оговорить, ибо въ противномъ случаѣ окажутся совершенно не нужными какія бы то ни было земельныя нормы для киргизъ, имѣющія назначеніе предохранить этихъ послѣднихъ, какъ болѣе слабыхъ, менѣе приспособленныхъ (въ хозяйственномъ отношеніи) при столкновеніи съ выходцами изъ Россіи. Нужно сказать, что столкновенія, въ прямомъ смыслѣ, случаются и теперь, но не слѣдуетъ преувеличивать опасность отъ этихъ столкновеній, которыя, даже при настоящихъ бюрократическихъ порядкахъ, вспыхиваютъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и едва ли не вызываются косвеннымъ образомъ самой администраціей. Въ общемъ же взаимныя отношенія киргизъ и переселенцевъ весьма дружественны, и нужно думать, что при широкомъ самоуправленіи не будетъ поводовъ для ихъ обостренія.

Совершенно иное предвидится по отношенію къ казакамъ, но вопросъ о казакахъ и казачьихъ земляхъ самъ по себѣ настолько сложенъ и важенъ, что заслуживаетъ самага внимательнаго изученія и весьма осмотрительнаго рѣшенія. Скажу только, что въ предѣлахъ степныхъ и Тургайской областей не меньше 15.000 хозяйствъ киргизъ или около 80 тысячъ душъ обоого пола живутъ на казачьихъ земляхъ и значительно большее число ихъ вообще вступаетъ въ договорныя отношенія по землѣ съ казаками. Земельный вопросъ стоитъ здѣсь, пожалуй, не менѣе остро, чѣмъ вопросъ о такъ называемыхъ иногороднихъ въ казачьихъ станицахъ Донской, Кубанской, Уральской и др. областей. И мнѣ думается, что рѣшать его, при имѣющихся въ литературѣ матеріалахъ по этому вопросу, нельзя.

Л. Чермакъ.